

ОГОНЁК

№ 1 ЯНВАРЬ 1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Московский ордена
Ленина электралампный
завод. Зал сборки ламп
дневного света.
Фото А. Гостева

(См. фотоберки в этом
номере.)

На первой страни-
це обложки: Договор
социалистического сорев-
нования на 1952 год от
имени своих коллективов
заключают мастера стака-
новских сборочных участ-
ков М. А. Старожилов
и Ф. М. Фоминцев. Москов-
ский тормозной завод
имени Л. М. Кагановича.
Фото С. Фридлянда

Зимний отдых советской детворы

Начинается вторая четверть учебного года. Наступили зимние каникулы — веселая пора отдыха советской детворы.

Огромная елка, сияющая сотнями разноцветных огней, стоит в Колонном зале Дома Союзов в Москве. Гремит музыка, кружатся паровозы. Ребятам раздают подарки, показывают театрализованные представления, кинофильмы. Сто тысяч юных москвичей побывают здесь во время зимних каникул.

Зимние каникулы пионеров и школьников весело проходят во всех городах и селах нашей страны. В школах, клубах, домах культуры приветливо светятся огни елок, звенят песни детворы.

В Ереване Дворец пионеров проводит со школьниками экскурсии по заводам, выполняющим заказы строок коммунизма, ребята встречаются со стахановцами, новаторами производства. Русский драматический театр в Ереване показывает детям новый спектакль «Ее друзья», в Театре юного зрителя идет пьеса «Суворовцы».

В Ставрополе в дни каникул проходит большой детский кинофестиваль. Здешний Дом пионеров организует конкурс на лучшее исполнение детьми песен и плясок.

В дни каникул школьники отдыхают на свежем воздухе, занимаются спортом. Во многих городах на дворах залиты ледяные хоккейные площадки, дорожки для конькобежцев, а для малышей построены горки, карусели с санками.

Спортсмены-школьники состязаются в беге на лыжах. Начались Всесоюзные лыжные соревнования на приз газеты «Пионерская правда».

Для зимнего отдыха детворы открыто множество загородных лагерей.

Окрепшие, посаженные, с новым запасом сил вернутся школьники в классы к началу занятий.

Лыжный поход учеников Деденевской средней школы (Дмитровский район, Московской области) по маршруту Деденево — Загорск протяжением 70 километров. На первом плане: ученики-отличники 9-го класса Ренда Кузьмина и Александр Павлюков.

В Центральном театре юного зрителя ребята смотрят спектакль «По щучьему веленью».

Ученики Ногатинской средней школы (Ленинский район, Московской области) приехали в Москву на экскурсию в Третьяковскую галерею. На снимке: группа школьников в одном из залов Всесоюзной художественной выставки 1951 года.

Фото Я. Рюмина и Б. Кузьмина

ПЕРВАЯ БЛАГ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Фото А. Гостева

После окончания речного училища Леня Бобров получил зачисление. Его послали землесос в Цимлянскую, на постройку плотины через Дон. Леня не сразу попал в Цимлянскую. Два дня он просидел в Калаче, дожидаясь буксирного парохода.

Буксир должен был прийти с верховьев Дона и идти дальше в Цимлянскую. Но буксир застрял, и Леня апал в уныние. Часами просиживая в маленькой белой будке на берегу Дона, где работала девушка — речной спетчер.

Девушка жалела Леню Боброва, но ничем могла ему помочь. Вниз по Дону пассажирских рейсов уже не было. Дон на этом своем тесном дождевал последние месяцы. Станции шли от него в глубь материка и растянулись по будущему морскому берегу.

Дон очень медленно нес свою зеленоватую воду и останавливался в омуты у берегов, как оглядывая в последний раз знакомые места.

В конце концов Леня сел на поезд, поехал в Ростовскую, а оттуда — по новой железнодорожной линии до Цимлянского строительства.

Плотина эта была недавно построена. Леня, выйдя в открытых дверях товарного вагона, все время удивлялся. Удивлялся необыкновенно длинным составом. Они тянулись на километр больше. Удивлялся тому, что такие составы вез только один паровоз, а не два, как это бывало раньше. Удивлялся силе паровозов. Только высоким струям свистящего пара, летевшим в небо, было видно, с каким напряжением они работали.

Кондуктор в пыльном балахоне объяснил Леня Боброву, в чем тут дело. Строительству до непрерывно подавать материалы. Двойная тяга потребовала бы вдвое больше паровозов, и потому вдвое бы уменьшилось число вагонов.

— А мы рискнули, — сказал кондуктор, —

тем в ночь мощные землесосы гонят пульпу на плотину.

хотя начальство несколько и опасалось, и вот — зовим! Поезда идут у нас цепью, как в московском метро.

Кондуктор был прав. Когда поезд брал подъем, то с переездовой его точки открывалась степь и железнодорожная линия до самого горизонта. И над ней были видны тугие клубы пара от нескольких горячих широкогрудых паровозов, тянувших тяжелые поезда.

Чем ближе к Дону, тем чаще стали попадаться сваленные около полотна длинные стальные полосы с загнутыми краями — шпунты. Они лежали в сухой траве.

Кондуктор снова объяснил Леня, что эти полосы забивают в песчаное дно Дона перед плотиной на большую глубину. Забивают, пока они не дойдут до твердых пластов мергеля. И забивают так, чтобы один шпунт вошел в закраину соседнего шпунта плотно, не оставляя щели, куда могла бы просочиться вода.

Таким образом, в дне реки возникает стальная стена. Делается это для того, чтобы наглухо закупорить подземные воды. Иначе они могут подмыть плотину. Шпунтов подвозят так много, что они уже не помещаются на площадке строительства и пока что лежат здесь. Отсюда их по мере надобности отправляют к плотине.

Леня слушал и удивлялся.

Поезд вошел в глубокую выемку, начал спускаться к Дону, и за одним из поворотов перед Леней неожиданно развернулась вся картина строительства.

Леня встал и крепко схватился за болт около двери. Он не знал, куда глядеть.

Сначала ему показалось, что тысячи машин и людей роют здесь огромный кратер и центр земли, как в каком-нибудь фантастическом романе Жюль Варна.

Все вокруг было затянуто слабым туманом. В этот туман уходила и терялась в нем высокая песчаная дамба — тело плотины. Широкие железные трубы тянулись к ней. Они проходили под полотном железной дороги, подымали на подпорки свои черные хоботы; и из этих труб хлестали на плотину потоки мутной воды.

Леня сообразил, что это землесосы наращивают тело плотины и что вот это и есть его будущая работа.

Вода сливалась с насыпи в мелкие озера. Из них ее выкачивали обратно в Дон. На плотине были видны машины. Они уплотняли и выравнивали дамбу.

А дальше, за навалами земли, за зеленоватым бледным Доном, высились эстакады, прозрачные стены из железных прутьев — арматура бетонной плотины, шен экскаваторов, стояла пыль, и в этой пыли сверкали колющими звездами огни сварки. И даже сюда, за Дон, долетал глухой и непрерывный гул строительства.

Из поезда Леня вышел совершенно ослепленный. Куда идти? Можно было запутаться в переплетении дорог, политых нефтью, среди складов, штабелей стальных балок и леса, рельсовых путей, шлагбаумов, грузовых машин с бетоном, тракторов, стремительных мотовозов, товарных составов, железных труб, бочек, гор песка и морской гальки.

Человек, весь белый от бетонной пыли и потому похожий на призрак, взял Леню за руку, подвел к лежащей на земле, как черная змея, трубе, уходившей куда-то к Дону, и сказал:

— Вот! Иди по этой трубе до первого земснаряда. А там спросишь.

Так Леня попал на свой землесос. И снова удивился. Начальником землесоса оказался загорелый юноша в морской форме Леонид Матвейчук, тогда как Леня ожидал встретить пожилого капитана.

Матвейчук поздоровался с Леней, мельком осмотрел его, похлопал по плечу свернутой в трубку газетой и сказал:

— Добро! У нас земснаряд молодежный. Так что следует показывать только наименьшую марку. Понятно?

— Понятно, — ответил Леня.

— Переходящее знамя у нас в каюте. Стоит прочно. И никуда не уйдет до конца строительства. Это тоже следует знать. Понятно?

— Понятно, — снова ответил Леня.

— Сильно удивляетесь, — спросил Матвейчук, — что я моряк, а работаю здесь на землесосе?

— Да нет, — неуверенно ответил Леня. — Чего ж удивляться, товарищ начальник?

— Вижу, что удивляетесь. Поэтому объясню. Я моряк и пошел работать на строительство

ОДАРНОСТЬ

засосывало. На море отплываю, когда закончатся строительств. Понятно?

— Понятно, — в третий раз ответил Леня.

— А теперь идите обедать. Борщ со свежими грибами и жареный судак. После обеда явьтесь к багермейстеру. Он вас поставит на дело. Понятно?

— Понятно, — в четвертый и последний раз ответил Леня.

С этого часа и началась его работа на землесосе.

Землесос стоял в вырытом им самим мутном заливе Дона и качал на плотину по трубам пульпу с речного дна. До плотины было три километра.

На плотине сидел наблюдатель и время от времени передавал на землесос по телефону, как идет дело.

Через час Леня уже знал от багермейстера Арутюняна, что землесос должен подавать на плотину триста кубометров грунта в час, на деле же подает в два раза больше.

Да, это зам не те землесосы, что работали на Днепрострое и выжимали за час всего сто кубометров грунта!

По внешнему виду землесос напоминал Лене тяжелый старинный монитор. И Леня по молодости лет, стоя на палубе землесоса и слушая гул машин, представлял себя на мониторе. Представлял себя суровым, с железным взглядом моряком, сосущим трубку и зорко вглядывающимся в бушующую морскую даль.

Но долго мечтать об этом не приходилось. Надо было не менее зорко, чем этому воображаемому морскому волку, следить за морем, наблюдать за пловучей частью трубы. Она лежала на плотях между землесосом и берегом.

Леня вскоре так привязался к своему землесосу, что даже не очень завидовал тем товарищам, которые, как он знал, работали на гигантских землесосах под Сталинградом. Те землесосы намывали за час 1 200 кубометров грунта и заменяли труд 25 тысяч человек.

Несколько раз Матвейчук посылал Леню на плотину следить за работой пульпопровода.

Леня уже привык к огромности плотины. Она протянулась через всю пойму Дона на тридца-

дцать с лишним километров от одного материкового берега до другого. Большая часть плотины была уже готова, и теперь ее доводили до полной высоты, а кое-где уже начали облицовывать бетонными плитами.

В средней своей части земляная плотина смыкалась с бетонной — высотой в сорок метров и длиной в пятьсот метров. Ее громада лежала в котловане, как исполинский серый левиафан. На ней уже начали сооружать гидростанцию.

Все здесь потрясало сознание человека. Мысль незлобно обращалась к тем людям, что составили проекты и расчеты этих сооружений.

Трудно было представить себе, какое понадобилось усилие мысли, какая бездна знаний и какая беспощадная точность и талант предвидения, чтобы составить эти проекты. И какое могучее воображение! Гораздо более гибкое, чем у художника, писателя или поэта. Хотя бы потому, что в деле строительства воображение должно было подчиняться точным законам физики, биологии, геологии, математики, механики, гидрологии, металлургии, гидравлики, равно как и законам многих других наук.

Казалось, что для разработки такого проекта нужно было обладать всей суммой человеческих познаний — от знания электродинамики до знания повадок пресноводных рыб.

Этими знаниями должны были обладать проектировщики. Строители кроме того должны были быть еще хорошими организаторами и психологами, потому что им приходилось иметь дело с тысячами людей.

Да, все здесь потрясало сознание. Не только самоотверженный труд людей, но и сложнейшие механизмы и исполинские, почти космические массы бетона.

Бетон был основой основ строительства. Только в плотину на Дону и в гидростанцию в момент пропуска Дона через бетонные сооружения было уложено около 800 тысяч кубических метров железобетона. А во все плотины основных строившихся коммунизма и магистральные каналы будет уложено около 20 миллионов кубометров бетона.

Это были горы бетона — величины, доселе невиданные и неслыханные на земном шаре.

Бетон для плотины изготовлялся на автоматических заводах. На Цимлянском гидроузле работало их восемь. Главный автоматический

бетонный завод был первым в Советском Союзе по мощности. Он выпускал в сутки 7 тысяч кубометров бетона. На нем вместо прежних сотен рабочих управляло механизмами всего несколько человек.

Бетон! Непрерывной лавиной он лился в тело плотины. Сотни грузовых машин, самосвалов и моторов везли жидкий бетон с заводов в котлован.

Бетон низвергался с эстакад, с транспортеров, лотков и виброхоботов зеленоватым туманом, пучился и дрожал от электровибраторов, потом залегал, успокаивался и через короткое время превращался в звонкий сухой монолит такой прочности, что от удара молотком из него выскакивали искры.

Происходило чудесное образование камня из жидкой массы. Плотина была как бы высечена из единого исполинского куска этого камня. Но никого это уже не удивляло, кроме таких новичков, как Леня.

Человек делал своими руками чудеса, но называл их работой. Это слово заменило все прежние слова, выражавшие самые удивительные явления в жизни, — такие слова, как «чудо», «волшебство», «вдохновение», «гениальная мысль», «вершины мастерства и искусства». Все это теперь было повседневной работой, самым обычным трудом человека.

Если бы создателю Цимлянского моря сказать, что он делает чудо, то он или пожая бы в недоумении плечами, удивляясь старомодности этого выражения, или, в лучшем случае, снисходительно улыбнулся, посчитав своего собеседника чудаком.

В ответ он заговорил бы, наверное, о том, что строителям гидроузла удалось покончить узаконенным веками понятием об очередности работ и произвести этим своего рода революцию в строительном деле.

По старинке полагалось не начинать другой работы, пока не окончена первая. Возьмем, например, сооружение земляной плотины. Сначала было бы сооружено тело плотины, потом пришли бы рабочие и начали бы проводить по ее откосам дренаж, а когда дренажные работы кончили бы свою работу, их бы сменили облицовщики. Все бы шло своим порядком, последовательно и, конечно, с потерей времени.

А выигрыш времени — закон советского строительства. Оказалось, что вполне возможно

защита для прочности сооружений во-
время работы одновременно.

Вам угодно, называйте этот способ ра-
боты. Но ничего в нем нет волшебного.
Простой расчет и ясная мысль.

Матвейчук все чаще посылал Леню на плот-
ину. Леня следил за работой пульпопро-
ектор. Каждый раз нервничал. Ему все каза-
лось, что землясос не работает на полную
мощность и не «дает жизни» так, как ему сле-
дует. А между тем наращива-
лись шло со скоростью, превышающей
норму: по 50—60 сантиметров в сутки
на 30 сантиметров.

Землясос уже был свое героическое
дело. Леня жалел, что приехал к оконча-
нию и не был участником прошлогодних
событий на строительстве и не видел
его разлива Дона, грозившего смыть

всё. Когда осатанел. Вода неслась с бешеной
силой. Плотины спасли только новыми пе-
рами и насосами. Это был всеобщий
страх. А Леня мечтал о таких де-
лах, где надо было бросаться на встречу
сти и совершенно забывать о себе. Он
знал, что так вот и на войне люди идут в са-
мые горячие места и побеждают.

Всё же ничего выдающегося не было, но, су-
щественно, Матвейчука, «работенка была

землясос, как ледокол, ломал своим корпу-
сом и непрерывно качал пульпу. Если ле-
докол можно было останавливаться, то зем-
лясос было невозможно. При остановке хотя
бы несколько минут песок с водой в тру-
бах затвердевал на километры, неминуемо бы-
ло, а вместе с тем обледенел бы и верх-
ний слой. Что намытый пласт грунта на плоти-
не называемой карте намыва.

Всё же нельзя было допускать. Экипаж земле-
соса напряженно следил за работой машин и
предвидел все возможные заминки. Маши-
ны были работать, как хронометры,— и
ночи.

Всё же были ветреные, хмурые. Из степей
то сухой снег, то колючую крупу. Тучи
висели так низко, что закрывали по време-
ряны экскаваторов.

В такие дни казались седыми от изморози.
Снег, смешанный с песком и глиной,
и тихо лежал на земле, на бетонных

массивах, на машинах и берегах Дона. Из-под
этого снега лишь кое-где торчали бурьяны.

Что говорить, трудная была зима. Особенно
зимние ночи. Но трудна была и весна, когда
земля оттаяла и превратилась в ползущий под
ногами и колесами жидкий клей.

Да и при Лене Боброве выдавались трудные
дни. Кончался 1951 год — последний год
«строительства моря». Пришла зима, но Дон
долго не замерзал, снегу не было. Однажды
задул с верховьев Дона сильный ветер. Он
сорвался внезапно и поднял над котлованом
смерчи холодной пыли. Он закрутил эту пыль и
понес ее в степь — порошить глаза, ослеплять
водители машины, шуметь в траве, засыпать
дороги.

К вечеру ветер усилился. По Дону катились
мутные, пенные волны. А к ночи ветер дул уже
не порывами, а упорным тугим потоком.

Леня стоял ночью на вахте. Пронзительно
визжали тросы. Волны гребли о борт. Време-
нами ветер наваливался на Леню с такой гру-
бой яростью, что приходилось крепко ацеп-
ляться в поручни, чтобы устоять на ногах.

Торопливо качались от ветра сотни огней на
строительстве и в поселке Ново-Соленовске.
Казалось, ветер, взяв могучий разгон по сте-
пам, пытается погасить все эти огни и поднять
к небу все навасы земли, чтобы снова, как де-
сятки и сотни лет назад, свободно бушевать и
хозяйничать над Доном.

Но огни не гасли. Они сопротивлялись ветру,
и гуд его не мог заглушить не только шум
строительства, но даже автомобильных гудков.
Они доносились до землясоса и говорили о
том, что машины в эту ненастную ночь непре-
рывно подвозят бетон и никакой ураган не
сможет остановить поток этого бетона.

Потом в шум ветра, лязг цепей и разноголо-
вый крик береговых машин вошел новый звук.
Леня прислушался. Из того места, где трубы
лежали на понтонах на воде, доносилось шипе-
ние. Из труб рвался воздух.

Леня бросился к Матвейчуку. Через минуту
все выяснилось: волны раскачали понтоны и
разболтали соединения между трубами. Из них
хлестали фонтаны песка и воды.

Залпасные трубы стояли на плотях у берега.
Нужно было заменить ими поврежденные.

Арутюнян вместе с Леной соскочил в тем-
ноту в лодку. Ее бестолково швыряло и било о
борт землясоса.

Волна вырвала у Лени из рук весла. Леня

По трубам идет земля и песок.

греб изо всех сил и даже стонал: нельзя бы-
ло ни на секунду остановиться, иначе ветер
разнес бы лодку и унес вниз по Дону.

Но самое трудное было впереди, когда Ару-
тюнян расчалил плоты с запасными трубами и
их пришлось тащить к землясосу.

Это была, как говорят моряки, «самая под-
ходящая работка для хлюпиков».

Ветер совершенно озадачил и так лопал
брызгами в лицо, что Леня почти ослеп. Они
гребли вместе с Арутюняном. Кожа на ладонях
была стерта до крови.

— Проклятый, проклятый! — бор-
мотал Леня при каждом взмахе весла, прокли-
ная наглый и разухабистый ветер.

На помощь пришла вторая лодка. Трубы сме-
нили, и после короткого перебора песок с во-
дой снова понесся по ним вверх, на отлогий
берег, на невидимую в темноте плотину.

Матвейчук похлопал Леню по плечу сверну-
той в трубку газетой и сказал:

— Получишь благодарность в приказе. По-
нятно?

— Понятно, — ответил Леня и вытер рукавом
мокрое лицо.

Он пошел в кубрик обсушиться. Ему хоте-
лось рассказать кому-нибудь все, что с ним
только что случилось. Но сделать этого не уда-
лось, потому что в кубрик никого не было, а
под потолком висели гирляндой ослепитель-
ные электрические лампочки, приготовленные
к встрече Нового года. Они освещали портрет,
знакомое всему миру на этом портрете
лицо.

Леня начал разуваться, чтобы высушить бут-
сы, и вдруг смутился: с портрета пристально,
чуть прищурившись, смотрели на него смею-
щиеся пронзительные глаза.

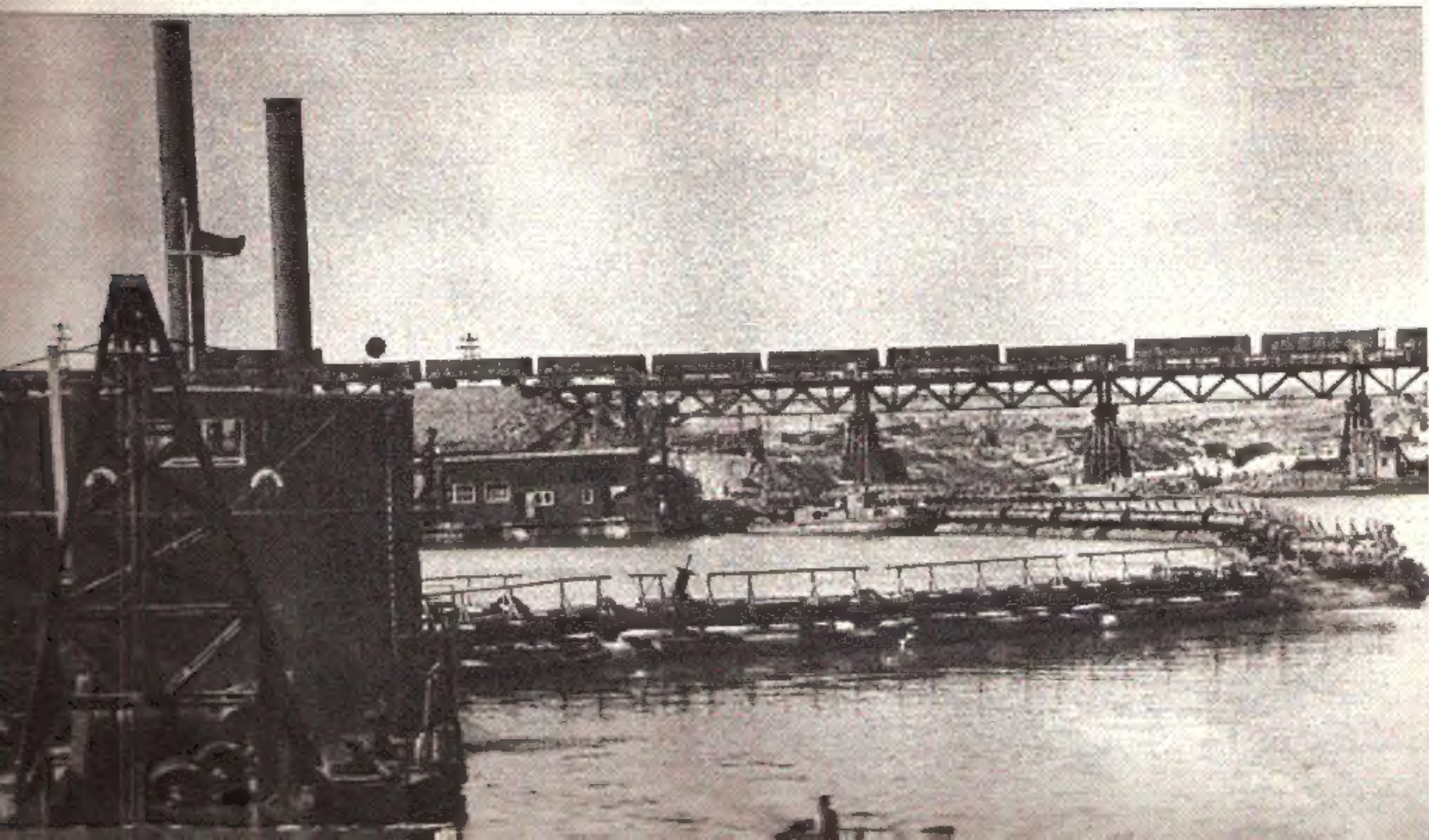
Леня незаметно толкнул ногой разбухшие
бутсы под койку и поджал ноги. Ему даже как
будто послышался неторопливый голос:

— Что же вы смущаетесь, дорогой товарищ?
Вы хорошо поработали. А руки надо вымыть
карболовым мылом и перевязать.

— Да я перевяжу, честное слово! — несме-
ло ответил Леня, но в это время ветер ударил
с такой силой, что весь землясос запел, зака-
чался, зазвенел и поплыл куда-то в ночь.
А звон якорных цепей перешел в звуки торже-
ственного марша.

Когда Арутюнян вошел в кубрик, Леня спал,
сидя на койке и поджав под себя ноги.

Арутюнян легонько толкнул Леню на койку,
прикрыл бушлатом и вышел. Электрические
лампочки все так же сияли, освещая на стене
портрет и карту намыва земли на плотину.

Х. Якупов. И. В. СТАЛИН В ТУРУХАНСКОЙ ССЫЛКЕ.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1951 Г О Д А

Сорок первый год. И, по установившейся традиции, означенный его ознаменовалось открытием Всесоюзной художественной выставки, которую во праву можно назвать всесоюзным творческим отчетом многотысячной армии советских художников. Около 1300 работ, более 500 участников от всех республик и многих городов нашей страны — таковы лаконичные цифры, говорящие о размере выставки. За ними стоит один год напряженной творческой работы, новые достижения, овладение новой техникой мастерства, замечательный расцвет советской художественной культуры. Богаты и разнообразны темы представленных работ. Они говорят о том, что художники растут в ногу со своим народом, что его достижения и интересы. Крупнейшие историко-революционные события, великие строки коммунизма, труд и отдых советского человека, преобразованные советской волей пейзажи — все это плывет вперед в произведениях искусства. Центральное место на выставке принадлежит произведениям, посвященным нашей вождям, деятелям о Ленине и Сталине.

А. Грицай, В. Ефанов, Л. Котляров, К. Максимов, Б. Ста-
вицкий, П. Суданов и Б. Щербаков. ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИ-
ДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР.

П. Мозчук. В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

У. Тансымбаев. ВЕЧЕР НА ИССЫК-КУЛЕ.

Е. Табакова. В ЧАС ОТДЫХА (НОВОСТИ ДНЯ).

Ю. Неprinцев. ПОРТРЕТ КОРЕЙСКОЙ ПЕВИЦЫ ЧО БЕН СУН.

Мы уже привыкли к тому, что каждая выставка выдвигает новые имена, что каждый год начинает свой путь в рядах мастеров новый отряд молодежи. Радостно отметить, что и в этом году дружно поднялась молодая поросль. Около 30 одних только дипломных работ заслужили право быть представленными на всесоюзном смотре. Успех молодежи, помимо наличия твердых профессиональных навыков, определился ее ответственным отношением к выбору темы и ее разработке.

Необходимо отметить, что все растущая требовательность художников к себе, а значит, и к своему мастерству — характерная черта представленных на выставке произведений.

Выставка 1951 года говорит о том, что многое достигнуто советскими художниками в этом отношении, но что многого еще нужно достигнуть. Бесконечно богата наша действительность, и долг художников — добиваться высокохудожественного, всестороннего ее отражения в произведениях искусства, достойных сталинской эпохи.

В декабре в залах Оргкомитета Союза советских художников открылся филиал Всесоюзной художественной выставки. В экспозиции — скульптура и графика в залах филиала впервые экспонировалась цветная художественная фотография. Свыше 40 фотомастеров представили около 150 цветных фотографических работ.

Ю. Неprinцев. ВАСИЛИИ ТЕРКИН.

Н. Васелова, В. Загонек, А. Пушкин, Е. Рубин, Ю. Тулин. ЛЕНИНГРАД — ВЕЛИКИМ СТРОИКАМ КОММУНИЗМА (В ГИДРОТУРБИННОМ ЦЕХЕ ЗАВОДА ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА).

Б. Алнев, А. Абдулхалим, А. Зарубин. СДАЧА КЛОПКА ГОСУДАРСТВУ.

РАБОТАЕМ ВО ИМЯ МИРА

Сотир ПАПУЛИ,

главный редактор газеты «Башкими»

да албанский шахтер прорывает туннель в горах, чтобы построить электростанцию; когда каменщик возводит стены промышленной комбината; когда крестьянин обрабатывает поля тракторами, пришедшими из Советского Союза; когда учитель воспитывает у нового поколения любовь к Родине, к партии, к народу, к Советскому Союзу; когда поэт воспевает славу народа Албании, героизм ее рабочего класса, — все это делается во имя мира.

В новой Албании всегда помнят слова своего любимого вождя Энгелера Ходжа, сказанные в его докладе по случаю 10-й годовщины создания нашей Трудовой партии: «Албанский народ будет строить мир всеми своими силами, потому что ему мир жизненно необходим. Наш народ — мирный народ, который жалеет, чтобы ему не пришлось трудиться, но вместе с тем он постоянно готов защищать свою жизнь, свою народную республику и ее границы».

С помощью Советского Союза в Албании построены новые железные дороги, новые фабрики, заводы, новые школы, институты, клубы, больницы, благоустроенные дома для рабочих. С каждым годом это строительство приобретает все более широкий размах. По пятилетнему плану, который скоро примет Народное собрание, будет создано много новых фабрик и заводов, которые двинут вперед развитие всей промышленности. Весь народ принимает активное участие в выполнении этого плана, внося свои конкретные предложения. Наш пятилетний план — это путь Албании к социализму!

В Албании много советских стажеров — путеводная звезда для рабочих Албании. Метод знатного советского каменщика Куликова, примененный в строительстве новой фабрики, распространился на многие отрасли строительного дела. Внедряются скоростные методы производства на заводах. Новые люди — новаторы и рационализаторы производства — гордость нашего рабочего класса, сокровище нашего народа.

Демир Рука, шахтер Шатир Кампули и десятки других людей нашей промышленности пахали землю помещиков. Их жизнь была адом. Партия подняла этих простых людей, и сегодня они имеют большой авторитет в нашей стране. Если бы помещики и кулаки, которые они работали, были живы сейчас, они замерли бы от удивления, увидев в своих батраках воплощение гордости и славы Албании. Они угнетатели сломали себе шею, а люди народа — герои труда — живут и будут жить на своей родине.

Демир Рука, полученный Шатиром Кампули от жены из деревни, говорит: «Вот вы и кончили строить ГЭС имени Лекина. Этим ты и твои товарищи оказали честь своему дому, своей деревне. Но ты должен добиваться новых успехов, потому что таким образом ты выходишь высоко знамя ударника и с честью носишь Орден труда, которым тебя наградила Президиум Народного собрания».

Демир Рука, который работал на строительстве железной дороги, а потом — на комбинате имени Сталина, говорит: «Мы поднимаем знамя, но и комбинат возвысился нас. Советские люди, их ценный опыт сделали нас каменщиками-новаторами. Сейчас я выполняю норму в 120 процентов». Этот двадцатилетний юноша, приехав на комбинат, совершенно неграмотным. Сейчас он кончает школу и слывет одним из лучших специалистов в кладке стен.

Для этих людей новой Албании труд стал делом чести и славы. Минуты не сомневаются, что выйдут победителями в борьбе за социализм, как они вышли победителями в борьбе против империализма.

В победе не вскружил голову нашему народу. Народ знает, что мир, новый, растущий и расцветающий мир стоит старый мир империалистов, убийц народов, мир, которому наступает конец, который старается спасти себя, разжигая пожар новой мировой войны.

Наша страна окружена бешеными врагами, наемниками империализма, нагло бранят оружием, которым снабжают их американские империалисты. Непрерывные провокации, засылка диверсантов и шпионов каждый день подтверждают агрессивные планы американского империализма против нашего народа.

Албанский народ разрушает эти планы. Он мирно трудится на своей родине и никогда не позволит нарушить ее мирный покой. Албания — один из борцов международного лагеря мира, во главе которого стоят Советский Союз и великий Сталин. Люди новой Албании не забывают, что они должны быть готовы защитить мир от новых хищников. Пепел наших сожженных деревень, кровь братьев и сестер, погибших в борьбе против фашистских оккупантов и предателей, героизм наших трудящихся зовут нас всегда быть готовыми.

Советский корабль привез в Албанию промышленное оборудование.

Всё свободной Албании

Илья КОПАЛИН,

лауреат Сталинской премии, кинорежиссер

Фото Р. Халушакова и А. Семина

На народном празднике

Новая жизнь рождает новые традиции. В Албании теперь каждый год торжественно отмечают день освобождения каждого района. Мне удалось побывать на одном из таких праздников в горном районе южной Албании — в Драшовицах.

Праздник начался вечером. Между двумя горами в долине собралось около пятидесяти тысяч человек. Жители каждого селения располагались отдельно, каждое село своим лагерем. Долина была ярко освещена светом костров, на которых крестьяне готовили праздничный ужин. Тут же были установлены длинные столы, за которыми могли поместиться сотни человек.

Из Тираны на праздник приехали представители партии и правительства, руководители партизанских отрядов, освобождавших этот район. Старые боевые товарищи вспоминали о прошедших боях, говорили о счастливом будущем. Празднично одетые юноши и девушки пели и плясали под звуки национальных оркестров.

Здесь, на празднике в Драшовицах, я встретил старого крестьянина Селима Хасани, партизана и смельчача. В годы войны он потерял одного из своих двух сыновей. Он и сам участвовал в боях за освобождение Албании, и грудь его украшена орденами и медалями.

В этот вечер Селим Хасани с большим вдохновением читал свои стихи. Он прославлял подвиги советских воинов, воспеивал великого Сталина, Советский Союз, победу которого над фашизмом открыла албанскому народу путь к свободной, счастливой жизни. Старик не пользовался записками, слова как бы сами лились из его сердца.

Когда мы возвращались с праздника в Тирану, один из спутников сказал мне:

— Мы не хотели омрачать радости старика и не сказали ему о

постигшем его новом горе. Единственный оставшийся у него сын, служивший на югославской границе, убит сегодня титовскими бандитами.

Позднее я узнал, что от старика в тот день все же не удалось скрыть эту утрату. Он узнал о гибели сына в разгар праздника. Албанцы считают слезы проявлением слабости, недостойной мужчины, и старик не заплакал. Он попросил только, чтобы его отвезли на могилу сына. Безмолвно поклонившись его праху, Селим Хасани, сопровождаемый десятками друзей, вернулся в свою деревню.

Героический албанский народ, принесящий немало жертв в борьбе за свое освобождение, бдительно охраняет свою землю от наглых посягательств титовских фашистов.

Свет и вода Селиты

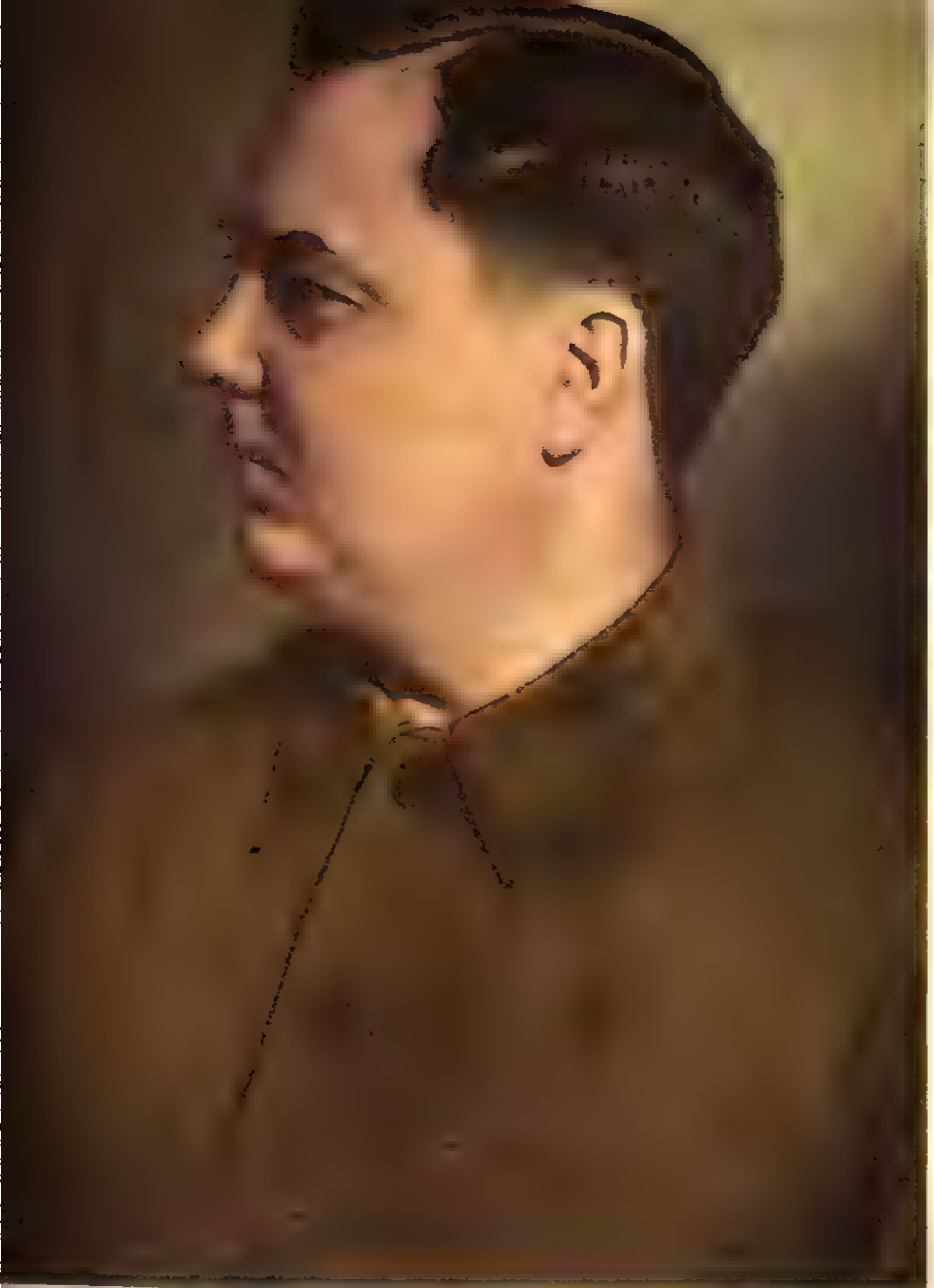
Иноземные завоеватели веками грабили Албанию. Тирана постоянно испытывала недостаток воды и электроэнергии. Жители Тираны пользовались тепловатой, мутной, нечистой водой, вызывавшей эпидемии желудочно-кишечных заболеваний.

Правительство Народной Албании успешно решило проблему снабжения столицы водой и электроэнергией. В 45 километрах от Тираны в горах Дайти и Еканит течет бурная река Селита. Советские инженеры помогли албанским специалистам составить проект использования энергии реки.

В горах Дайти и Еканит зажглись взрывы. В сложных геологических условиях сооружен туннель и проложены трубы длиной в несколько десятков километров. По этим трубам вода Селиты попадает в турбины первой в Албании гидроэлектростанции имени Ленина. А затем снова по трубам течет в столицу.

Строительство гидроэлектростан-

(Омечивание на деской странице)

Сегодня исполняется 50 лет со дня рождения ГЕОРГИЯ МАКСИМИЛИАНОВИЧА МАЛЕНКОВА, члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК ВКП(б), заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Фото Г. Вайда

В магазине. Колхозницы сельхозартели имени Сталина, Дмитровского района, Московской области (слева направо). Александра Зарица Мельникова и Мария Хорошева выбирают материал на платье в магазине села Деденево. У прилавка продавец Евдокия Федоровна Сидорова.

Фото Я. Рюмкина

Электростанция имени В. И. Ленина.

Для школы патристического для сотен граждан Албании. Многие крестьяне, знавшие свою соху, освоили слесарские профессии: проходчиков, бурильщиков, сварщиков, монтажников. На стройке выросла армия квалифицированных строителей.

В годовщину Великой Октябрьской социалистической революции в пять часов тридцать минут с гор уже спустились сумерки. Энвер Ходжа перешел в зал, закрывавшую машинное отделение. Главнокомандующий дал приказ: «Включить Тиранию!» И в городе ярко вспыхнула установка. Фонари загорелись, гирлянды электрических лампочек, свет озарил улицы, всегда утопавшие в темноте. У входа в туннель электрической и по улицам Тираны слышался громкое ура и здравница товарищей Сталина и Ходжа.

Врану пришла вода, чистая, прозрачная. У водоразборных колонок толпились мужчины, женщины. В этот день каждый взял воду. Селиты, как редкое вино! На вывозе до поздней ночи на площадях играли танцы. Я веселилась молодая гидростанция, принимая воду свет и воду, ярко горит великого Ленина.

В албанском селе

В те времена гнилое озеро было рассадником малярии, здесь крестное население. Иностранцы фирмы без выкупа из Албании за проекты осушения Малики. Но чтобы действительно осушить Малику, никто не должен народная власть взяла это дело на себя. В 1946 году. Сейчас целая сеть осушительных каналов и пересекает некогда заболоченность.

В бывшем болоте создана сельскохозяйственная ферма. Здесь работает комсомольцев и самоходных комбайнов. В пятилетнем плане разведаны сельскохозяйственного хозяйства в Албании. Вниманию уделяется культуре — садоводству, уже дающей хорошие урожаи на опытных полях. Новая ферма в Малике имеет сахарный комбинат и пущенный в эксплуатацию албанской Трудовой Республики.

В сельскохозяйственного Албании с новыми формами труда. Сельскохозяйственные работники добиваются высоких урожаев. Всего три года, как в Алба-

в честь десятилетия албанской Трудовой партии на трибуну поднялся стройный, подтянутый и загорелый боец-пограничник.

«Я не умею хорошо говорить, но я умею держать в руках автомат», — сказал он под бурные аплодисменты собравшихся. — И от имени всех пограничников я заверяю нашу партию труда, что ни один диверсант, шпион или лазутчик не пройдет на албанскую землю незамеченным».

Во время нашего пребывания в Тиране проходил процесс 14 диверсантов и шпионов. Из показаний подсудимых выяснилось, что в Италии существует специальная школа, готовящая диверсантов для засылки в Албанию, что шпионы проходят «практику» в Западной Германии, откуда их перебрасывают в Грецию и Югославию на албанские границы.

Мы видели в Албании немало вещественных доказательств гнусной диверсантской работы англо-американских империалистов и их юго-

славянских греческих и итальянских прислужников. Нам показали десеты сброшенных на парашютах радиостанций с жарками американских и итальянских фирм. Мы видели множество взятых у вражеских лазутчиков автоматов, винтовок и пистолетов, изготовленных на американских заводах.

Но албанский народ на страже мира, который нужен ему, как воздух, как вода. Границы страны заперты на крепкий замок, 865 тысяч человек — почти все взрослое население Албании — поставили свои подписи под требованием о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Шестую годовщину своей народной республики албанский народ встречает новыми успехами в мирном строительстве, еще большим укреплением своей дружбы с прогрессивными силами мира, возглавляемыми великим Советским Союзом.

Тирана — Москва.

Энвер Ходжа осматривает сахарный комбинат в Малине.

В кооперативе «Новое Фьер» крестьяне собирают богатый урожай хлопка.

Сварка труб на стройке гидроэлектростанции имени Ленина.

нии стали сажать хлопок, а сейчас хлопководческие кооперативы обеспечивают всю потребность страны в «белом золоте».

Нам удалось побывать в одном из лучших кооперативов Албании — «Новое Фьер». Этот кооператив основан в 1947 году. Раньше, бывало, помещик отбирал здесь у крестьян почти весь урожай. После земельной реформы земля была поделена между всеми 32 крестьянскими семьями. Пахотной земли было мало, и крестьяне, основав кооператив, стали осваивать новые площади. Государство пришло на помощь кооперативу — соху сменили тракторы.

Председатель артели побывал в СССР и внимательно изучил опыт советских колхозов. Сейчас в «Новом Фьере» пшеница дает отличные урожаи. Широко развернулись здесь и посевы хлопка. Басти Багирова — знаменитая хлопководка Азербайджана, дважды Герой Социалистического Труда, — посетившая недавно кооператив, научила албанских друзей передовым методам труда на хлопковых полях.

Комбинат имени Сталина

На заболоченной пустоши близ Тираны в долине Юзбериш в 1949 году развернулось строительство грандиозного комбината имени Сталина — первого текстильного предприятия Албании.

В Юзбериш строились не только фабричные корпуса: создавался современный социалистический город — дома для рабочих и специалистов, здания фабрично-заводских училищ, школа, больница, клуб. Сооружалась железнодорожная линия, соединяющая комбинат с Тираной и портом Дуррес. На строительной площадке еще росли фабричные и жилые корпуса, а в Дуррес прибывали советские пароходы — они везли текстильные машины, шедший из Дурреса, горячо приветствовали на всем протяжении железнодорожного пути тысячи албанских крестьян.

Когда 9 ноября распахнулись ворота комбината, перед гостями открылся просторный двор с асфальтированными дорожками, цветниками, клумбами. Гордо показывали молодые рабочие первого текстильного предприятия Албании добротную, красивую ткань с маркой комбината имени Сталина.

20 миллионов метров ткани в год из собственного албанского хлопка будет давать это крупное народное предприятие Албанской Народной Республики.

На страже мира

Я снова вспомнил в старом Селите Хасани и его сновальх, когда во время торжественного заседания

В связи с 50-летием А. А. Фадеева состоялся юбилейный вечер в Концертном зале имени Чайковского. На снимке: в президиуме (на первом плане справа налево) А. А. Фадеев, Л. М. Леонов, Н. С. Тихонов, Михаил Садовяну. Юбиляра приветствуют участники фильма «Молодая гвардия»
Фото Г. Алексеева

50-летие писателя А. А. Фадеева

Исполнилось 50 лет со дня рождения писателя Александра Александровича Фадеева. Юбилей одного из зачинателей советской литературы, путоминного общественного деятеля, активного борца за мир и дружбу между народами был широко отмечен советской общественностью. Произведения А. А. Фадеева от первых книг, написанных четверть века назад, до романа «Молодая гвардия» широко известны миллионам читателей не только в нашей стране, но и за ее рубежами.

В честь юбилея писателя, воплотившего в героях своих произведений богатейший внутренний мир советского человека, принимали участие наряду с представителями литературы читатели, общественные организации, деятели науки, культуры и искусства. В адрес юбиляра было получено множество телеграмм из различных городов Советского Союза и зарубежных стран.

На многочисленных предприятиях были проведены конференции, посвященные творчеству

А. А. Фадеева, на клубных вечерах обсуждались произведения писателя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР А. А. Фадеев награжден орденом Ленина.

В ответной речи, произнесенной на юбилейном вечере, тов. А. А. Фадеев сказал, что он, как и миллионы людей, неуклонно будет идти вперед по пути, указанному великим Сталиным.

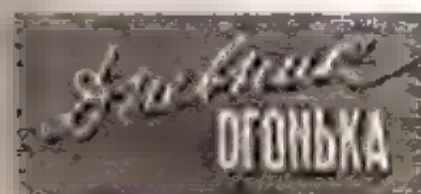
— До конца своих дней, — закончил речь А. А. Фадеев, — я буду верен знамени его, делу его, имени его.

Место рождения — Таши-Таш

В. И. Соколова с дочкой Призой
Фото А. Мызникова и Н. Сантчевой

Недавно в Таши-Таше у инженера Валентина Николаевича Соколова, работающей на строительстве Глазго Туркменского канала, родилась дочь. Ее назвали Ириной. Ирина — первый ребенок, родившийся в новом поселке.

На каникулах в лесном уголке

На улице вкусно пахло свежим снегом: ночью выпал пороша. Вприпрыжку Толя Сударенков помчался к своему снагомеру. Но на открытой полянке, где накрепко вбитая деревянная планка с делениями, все равно светила ледяная корка: ее только чуть-чуть припудрило.

Утро было ясное, чистое. «Воробьи чирикают и оттепели», — припомнил Толя народную примету.

«Вот тебе и каникулы: ни на коньках, ни на лыжах не покатаешься...» — с досадой подумал он.

Но горевать долго не пришлось. К Толе уже подходили товарищи Вася Шапилов и Гена Болашов.

Все трое мальчишек живут в одном доме, учатся в 5-м классе 286-й московской школы и вместе занимаются на Центральной станции юных натуралистов в кружке фенологов-метеорологов.

Ребята постоянно следят за погодой. В дни учебы они разделяют обязанности, Толя отмечает силу утреннего и вечернего ветра, Гена — обещанного, а Вася следит за температурой. Но сейчас, в каникулы, мальчишки неразлучны: куда один, туда и все.

В Сокольниках на территории станции юнатов сохранился маленький участок настоящего леса. Там растут береза, липа, дуб, ольха, асть и кустарники: крушина, орешник и даже можжевельник. Сюда, в лесной уголок, и пришли сегодня мальчишки. Вот радость большая! На улицах оттепель, а здесь снег.

— Ребята, следы! — восторженно кричит Вася.

И трое юных друзей, воображая себя следопытами, пробираются к следам на

снегу и начинают измерять их; мальчишкам рисуется заманчивая картинка охоты в зимнем лесу.

И вдруг раздается голос Толи:

— По-моему, — говорит он, — здесь проходила... обыкновенная домашняя кошка.

— Что же, переключимся на снегири, — сокрушенно замечает Вася.

Нелегко стоять неподвижно и смотреть в одну точку. Но мальчишки стоят, не шелохнувшись: им хочется непременно увидеть снегиря; до сих пор они видели его только в клетке.

— Толя, а может, мы зря стоим? — спрашивает Вася. — Может, снегири тут вовсе и не живут?

— Живут... Я сам читал.

Мальчишки зашли в чащу, но снегиря на этот раз так и не увидели. Обидно. Гена утешает себя:

— В Горках я весь день просижу на пне, а снегири обязательно явижу.

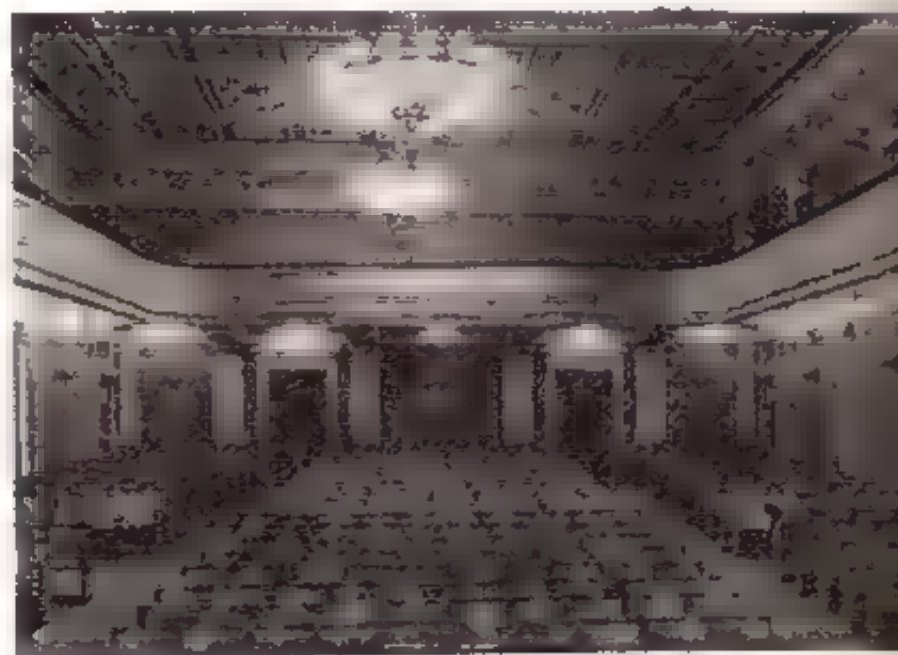
На днях юнаты вместе со всем кружком пойдут в Горки. Они уже бывали там. Майя Ивановна Дружинина, руководитель кружка, учила ребят отличать по коре липу от вяза, осину от ольхи, узнавать деревья по веткам, почкам, по лопастям листьев.

Майя Ивановна снова поедет с мальчишками в Горки. Кружковцы с нетерпением ждут этой экскурсии. «Уж там, наверное, и снегири увидим, и синицу, а возможно, и лису встретим».

Так они мечтают, трое школьников, гуляя в любимом лесном уголке. Но время уже позднее. Пора домой. Победать — и в кино. Ведь каникулы: куда хочешь, туда и иди.

Н. БОВНЕВА

Дворец культуры нефтяников

Зрительный зал нового Дворца культуры.

Фото С. Кулишова и М. Фришмана

В тридцати минутах езды от Баку, у подножья высоких песчаных гор, раскинулся поселок имени Молотова. Здесь живут нефтяники треста «Молотовнефть». Курсирующие через каждые 15–20 минут комфортабельные автобусы «ЗИС-155» связывают этот район с центром города. Поселок становится все благоустроенней и краше. В 1951 году асфальт дорог и тротуаров посажено более пяти тысяч деревьев. Здесь непрерывно идет строительство жилищ, магазинов, культурно-бытовых учреждений. Сейчас строятся шесть новых домов, два больших общежития для рабочих. В середине 1952 года жители поселка получат около 100 квартир со всеми удобствами. Скоро поселок будет иметь новую больницу, свой стадион, трибуны которого рассчитаны на 1 500 человек.

Недавно, в канун Нового года, коллектив «Молотовнефти» получил замечательный подарок: Дворец культуры и отдыха — один из самых больших и красивых в Азербайджане. Здесь три зала: большой на 600 мест, два малых — на 150 и 100 мест. В четырех просторных комнатах разместились библиотека и читальня. Три комнаты отданы под детский клуб. Для занятий кружков художественной самодеятельности нефтяников выделены 10 комнат. Во Дворце оборудованы бильярдный ресторан. На стенах залов и фойе, потолках — лепные украшения. Дворец богато обставлен: всюду зеркала, мягкая мебель.

К лету откроется кинотеатр, который будет расположен рядом с Дворцом культуры.

В. МАРТИРОСОВ

ТРИ РАДИОГРАММЫ С ПАРОХОДА «ТИМИРЯЗЕВ»

1
Честь выпала на долю экипажа парохода — доставить подарки трудящимся Советского Союза итальянскому народу — пострадавшему от наводнения. Сейчас, идя в Геную, каждому из нас невольно вспоминается недавний рай в Индии, где восточная астрала в порту, передала со своего зерна голодающему населению этой страны морское тепло парохода вновь возложена почетная миссия мира и дружбы. Вася, воодушевленный почетной задачей. Мы с таким нетерпением ждем наш корабль в Генуе, больше всех поспешим от наводнения. Потому так дружно и усердно работают моряки, стоящие на мостике, широко развернулось социалистическое соревнование за скорость: люди полны энтузиазма сделать все от них зависящее, доставить груз как можно быстрее. Эти минуты, когда я пишу вам радиogramму, идет смена вахты. На отдых отправилась команда второго помощника капитана — механика Горбин. Они добились превышения скорости на полмили в час. Теплоход идет, опережая график.

2
Эту радиogramму передаю под свежим впечатлением только что закончившегося митинга.

Созданные коммунистами отряды спасают жителей затопленных районов

В Генуэзском порту. 23 декабря в 9 часов по местному времени пароход «Тимирязев» швартовался в порту Генуи. Трудно передать волнение, охватившее нас, когда мы увидели толпы людей, пришедших встретить экипажа Советской страны. Мужчины, женщины, дети, делегации трудящихся Генуи и пострадавших от наводнения, тысячи итальянцев приветствовали корабль, доставивший им зерно, сахар, транзисторы, сельскохозяйственные машины — подарки советских общественных организаций. В воздухе слышались крики: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Сталин!».

Лозунги на итальянском и русском языках начертаны на стенах складов. Это призывы к миру, укреплению дружбы народов.

Эти же пламенные призывы простых людей Италии мы слышали и на торжественном митинге. Незабываемы речи представителей городов Ровиго и Адрии, рассказавших о бедственном положении трудящихся провинций, пострадавших от наводнения. Горячо благодарили они советский народ за братскую, бескорыстную помощь, оказанную итальянцам в тяжелый момент их жизни.

Настроение и мысли встречающих выражал Джузеппе ди Витторно — генеральный секретарь Всеобщей итальянской конфедерации труда.

— Мы хотим, — сказал он, — чтобы в наши порты, как и сегодня, приходили не военные суда, а суда дружбы и мира; мы хотим, чтобы рабочие обменивались не оружием, а, как сегодня, зерном и тракторами. Да здравствуют мир и солидарность между народами! Да здравствует лучший друг мира и народов Сталин!

Джузеппе ди Витторно просит прибывших на пароходе представителей советских профсоюзов, женских и кооперативных организаций передать советским людям благодарность народа Италии.

Сейчас уже началась разгрузка парохода. Характерно, что его разгружают джонки не

только Генуи, но и всех портов Лигурии. Вечером мы приглашены на митинг во дворец Дукале, где состоится встреча населения Генуи и делегаций других городов Италии с советской делегацией.

3
Вот уже несколько дней, как мы гости в Италии. Посланцам советского народа оказывают горячий прием. Прибывшие в Италию представители советских профсоюзных, женских и кооперативных организаций выехали из Генуи в Венецию. Почти на каждой железнодорожной станции советских людей бурно приветствовали местные жители.

В Венеции Палата труда устроила прием в честь советских гостей. Из Венеции посланцы Советского Союза отправились в районы, особенно сильно пострадавшие от наводнения.

А. Н. ДОЦЕНКО,
капитан парохода «Тимирязев»

Молодежный танец исполняет группа ансамбля тифа Союза трудящейся молодежи (Бухарест).

Народное искусство Румынии

«Воспой же, любимая страна, того, кто сквозь бури ведет нас к солнцу» — такими словами выражает горячую любовь румынского народа к товарищу Сталину песня композитора Матая Сокура на слова Вероники Порумбаку. Большое, искреннее чувство слышится в сильном бархатистом баритоне исполнителя — молодого певца Николая Херля.

И, словно отвечая на эти слова, румынская молодежь в светлых, жизнерадостных танцах воссоздает образы счастливой жизни своего свободного народа. Изобретательны и по-молодому темпераментны все эти танцы. Валюютелны солисты-певцы, лауреаты международных конкурсов. Но подлинной душой концертов румынских гостей, выступающих в Москве, стали выступления Государственного народного оркестра под управлением Нику Станеску — дирижера и виртуоза-скрипача.

Из различных уголков Румынской республики отбирались в этот коллектив талантливые народные музыканты: пастухи, рабочие, крестьяне, студенты. Многие из них в совершенстве владеют старинными народными инструментами, звуки которых напоминают щебетание птичьих голосов, трогая сердца простым, задумчивым напевом.

Незатейливая музыка народной поэмы «У нас в Корне-

рее». Но бывший пастух Носиф Милу вкладывает в нее всю свою любовь к родным местам. Старинный пастушеский инструмент торогата звучит в его руках так, словно нет вокруг концертного зала, заполненного изрядной публикой, а расстилается далеко зеленая долина, окаймленная лесом...

Настоящий дар виртуоза у одного из популярных народных музыкантов Румынии, Фаника Лука — исполнителя на нае. Он извлекает из своего простенького инструмента, напоминающего большую губную гармошку, множество разнообразных звучаний, вызывая восторг слушателей. Фаника Лука кроме того и композитор, играющий в сопровождении оркестра собственные произведения.

За нами следует кобза, исполнитель — лауреат конкурса на берлинском фестивале Ион Патурику; за кобзой — кларнет, на нем играет виртуоз и композитор Илиуца Рудариу. «Жануле» — баллада о чтином в Ольтекском районе народном герое — исполняет ансамбль цимбалистов.

Долго звучат с эстрады зала имени Чайковского полные огня и чувств румынские мелодии. Уходя с концерта, москвичи уносят в памяти образы, созданные талантливым народом.

К. СОКОЛОВА

Соревнование слесорей

Бесшабашно быстро распространилась по цехам Московского торфозавода имени Л. М. Кагановича: Стахановский сборочный участок мастера Старовойтова выполнил годовую планку, и теперь краткая история этого производственного подвига известна в цехе нормалей соревнуются слесари двух участков: мастера Михаила Алексеевича Старовойтова и Федора Михайловича Фомичева. Каждый месяц рабочие двух участков собираются и обсуждают договор на социалистическое соревнование. Кто даст больше продукции? Чем следует отличаться? Вопросы эти вызывают горячие споры. С фактами и цифрами в руках рабочие критически рассказывают о своем опыте. В номере сегодняшнего номера журнала запечатлены из тех эпизодов. В комнату отдыха заводского клуба пришли представители обоих участков (на первом в центре: слева — Ф. М. Фомичев, справа — Л. А. Старовойтов). Тут и старые слесари, хорошо известные на заводе, и юноши, недавно окончившие ремесленное училище. Договор подписан, Федор Михайлович — заключил большую речь М. А. Старовойтов. — Теперь очередь за вами. — Поборемся! — задорно повторяет слова мастера стоящий рядом с ним юноша. Это Гена Бурдо. — Что покинувший стены ремесленного училища сейчас в жизни присутствует при столь важном событии, как подписание договора на социалистическое соревнование.

Вместе с пианином исполняет танцевальную группу художественного ансамбля китайской молодежи

Сердечно, по-братски встречали москвичи танцев великого китайского народа — искусство китайского художественного ансамбля молодежи. Горячо приветствовала их на сцене их концерт народная артистка СССР В. Барсова. В ответ руководитель ансамбля Сю Вэй-чжи провозгласил здравицу в честь Сталина и вождя китайского народа Мао Цзе-дуня. В зале возникла бурная радость — выражение чувства дружбы, объединяющей советский и китайский народы. Концертная программа началась выступлением хора, спевшего «Кантату о Сталине» В. Александрова, а вслед за нею несколько

песен китайских композиторов, в том числе песню композитора Цюй Си-синя «Единство всех народов мира», удостоившую премии на Третьем Всемирном фестивале демократической молодежи и студентов в Берлине. «Сталин и Мао Цзе-дун, как светлое солнце, освещают нам путь. Они ведут нас вперед от победы к победе», — говорится в этом волнующем произведении.

В других произведениях для хора и солистов — «18 излучин Хуанхэ», «Песня старика», «У нас обильная жизнь», — рассказывается о неограниченной мощи китайского народа, о созидательном его труде на благо родины.

В программу концерта включен проникновенный боевым духом отрывок из музыкальной драмы «Уничтожим агрессоров», показывающий совместную борьбу китайской Народной армии и китайских добровольцев против американских интервентов.

Исключительный интерес вызвали китайские танцы — словесные, яркие, полные изящества, ритмически четкие. Особенный успех имел «Танец с шелком», увлекательный легкостью движений танцующих, причудливыми рисунками, возникающими в непрерывном мелькании полос красного шелка, то расплывающихся по воздуху, то взлетающих вверх, как языки пламени.

В концерте выступили инструменталисты: пианистка Чжоу Туан-жун, исполнившая произведения современных китайских композиторов, и Цинь Пэн-чжан, с блеском сыгравший на старинном национальном инструменте «Пи-па» пьесу китайского композитора VII века.

В отрывках из классической китайской оперы артисты разыграли с замечательной естественностью и изобретательностью сцену поединка в темноте, где противники не видят друг друга. Впечатляющим по мастерству было выступление артистов цирка, показавших виртуозное жонглирование вращающимися тарелками и фигурную езду на велосипеде.

Концерт китайских гостей — интересное событие в музыкальной жизни столицы.

И. МАРТЫНОВ

Выступление китайских жонглеров Нин Юй-ун и Лю Ю-мин с вращающимися тарелками

Лаборатория в чемодане

Полевое снаряжение для геологов.

Фото А. Вочинина

Контрольные посты, передвигаясь вдоль трассы Волго-Донского канала, будут регулярно производить полный химический анализ воды. Стационарные лаборатории им не понадобятся. Сняв чемодан с деревянного чемодана — отключив крышку, сотрудник сразу увидит в нем все необход-

ки, реактивы и даже полотно для мытья посуды. Чемодан весом в 8 килограммов дает возможность произвести 150 анализов.

С такими чемоданами уже сейчас передвигаются вдоль русла древних высохших рек изыскатели, работающие в зоне строительства Главного Туркменского канала. В автомашине, сопровождающей геологов, хранится ящик с запасом реактивов.

Располагаясь на ночлег, изыскатель достает из чехла теплый спальный мешок, если ночь холодна, или складную кровать, если ночь обещает быть теплой. Кровать с чехлом весит несколько килограммов. Она не обременит путника и в дальней дороге.

Все это легкое оборудование выпускает Московская фабрика полевого снаряжения. Отсюда на великие стройки коммунизма посланы лаборатории, переносные шлифовальные станки, походная мебель, специальная одежда и обувь.

Характерный штрих. Обувь, предназначенная для геологов, очень крепка. При испытании сапог понадобилось подвесить груз весом в 150 килограммов, чтобы отделить подметку.

Н. Василенко.

В. Ведный

М. Исаковский.

А. Малышко.

В. Горбатов.

Е. Рябчиков.

В. Ефимов.

О. Верейский.

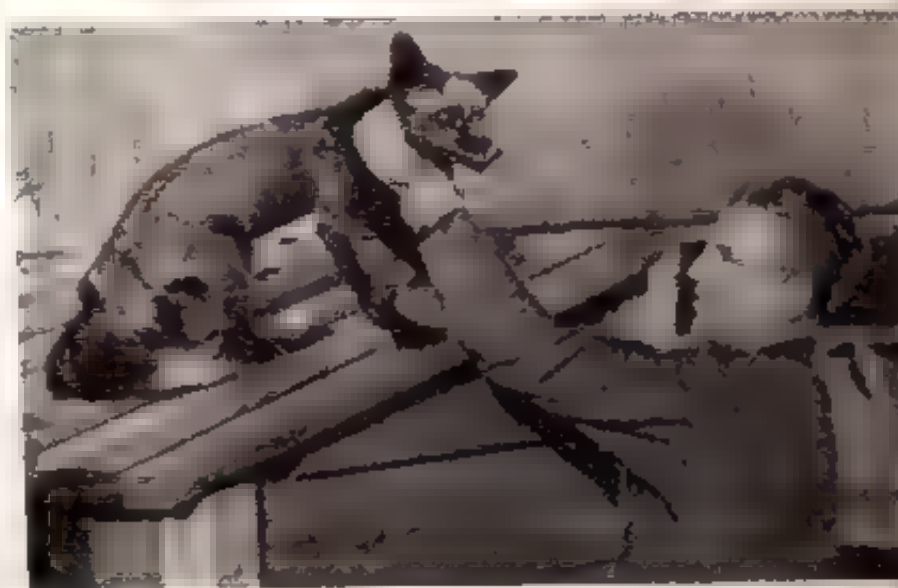
Д. Вальтерманц

Лучшие произведения, напечатанные в журнале «Огонек» в течение 1951 года, отмечены ежегодными денежными премиями. Премии получили следующие авторы: Н. Василенко (рассказ «Семейный совет», № 30), В. Ведный (рассказ «В конце месяца», № 49), М. Исаковский (стихи «Дума о Ленине», № 45), А. Малышко («Корейская поэма», № 30), В. Горбатов (очерк «Наша родная команда», № 33), Е. Рябчиков (репортаж «Дорога к пяти морям», №№ 10, 11, 12), В. Ефимов (карикатура «Семья Рокфеллеров», № 30), О. Верейский (иллюстрации к поэме Пабло Неруды «Преданная земля», № 18, и к отрывкам из романа Андре Стейля «Первый удар», № 38), Д. Вальтерманц (серия портретов борцов за мир и цветное фото «Заседание парткома Уралмашзавода», №№ 10, 29, 47, 48), А. Гостев (серия фотоснимков с Волго-Донского канала, №№ 10, 11, 12, 15).

А. Гостев.

Колхозный питомник чернобурых лисиц

Правление колхоза «Родина», Остерского района, Черниговской области, Украинской ССР, три года назад приобрело в одном из белорусских зверосовхозов семь чернобурых лисиц.

В построенном для них питомнике лисицы хорошо акклиматизировались и уже на другой год дали первый приплод. Зимой колхоз «Родина» сдал государству двенадцать шкур.

В этом году в лисьем питомнике насчитывается сорок восемь чернобурых. За ними любовно ухаживает колхозник зверовод Иван Осипович Приходен.

На снимке: Иван Осипович Приходен в питомнике лисиц.

Письмо с улицы Мира

Рисунки А. Конюрина

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Весной 1951 года в редакцию журнала «Огонек» пришло письмо из Сталинграда. Оно оказалось откликом на очерк «Его судьба», напечатанный в январе 1951 года в «Огоньке». Редакция попросила автора очерка ответить на письмо.

Чтобы содержание письма-отклика стало известно читателям, напомним содержание очерка «Его судьба».

Поздней осенью 1942 года помощник политического части командира полка гвардейских минометов Юрий Петрович Гасилов возвратился с фронтовой базы в свою часть, находившуюся вблизи Сталинграда. По пути, недалеко от станции Котлубань, Гасилов и его сослуживцы увидели поезд, разбитый бомбой, сброшенной с фашистского самолета. Возле изуродованного вагона лежали убитые дети и женщины. Гасилов и водитель поняли, что этот поезд увозил ребят из Сталинграда в глубокую глушь. По всему было видно, что на месте погибших обитали санитары и вывозили раненых.

Когда собрался уже ехать дальше, когда уже начинался короткий приглушенный туман, Гасилов подошел к груде окровавленных тел, стал разбирать их и обнаружил в одной из них маленький тугой сверток. Он тут же открыл его, вынул из него ребенка. От прикосновения свежего воздуха ребенок сразу зашевелился, потом заплакал. В кабинах грузовиков возмущались и шофер как могли вытаскивали младенца, а затем повезли найденного в свой полк.

В очерке рассказано было о том, как офицер Гасилов с помощью советских людей на фронте и в тылу спас жизнь тяжело больного ребенка и как воспитал его. Он назвал мальчика Павлом и усыновил его. В далеком незнакомом городе, принявших близкое участие в судьбе сиротного, упомянуто была фамилия профессора-педиатра В. А. Сурата, который в годы войны работал в Сталинграде.

В письме к «Огоньку», по вполне понятным причинам, не упоминалось имени мальчика, а настоящей фамилии его приемного отца.

В своем очерке профессор послал в редакцию «Огонек» письмо на листке из блокнота.

Заведующий кафедрой педиатрии, профессор В. А. Сурат, Улица Мира, 24, кв. 31.

Уважаемый товарищ, — писал автор очерка, — в своем очерке упомянуто мое имя. Я бы хотел бы увидеть теперь Павку. Я знаю, введенный Вами под фамилию Гасилова, не будет возражать и Вы тоже не будете возражать, сообщите, пожалуйста, мне не адрес. Вскоре мне придется быть в Сталинграде на педиатрической сессии и, с разрешения профессора Гасилова, я с удовольствием возобновлю бы знакомство и с Павкой и с ее родителями. Само собой разумеется, что в случае, если встреча состоится, обязательно найду в гарантию. С товарищеским приветом профессор В. Сурат.

«Письмо профессора, а затем переписка с В. А. Суратом и личное свидание с ним позволили выяснить дальнейшую судьбу маленького Павки.

Раненый в бою Гасилов, выписавшийся в 1943 году из госпиталя, где вместе с ним находился его найденный, прибыл вместе с ребенком в Саратов. Здесь он стал искать специалиста по детским болезням и попал со своим Павкой на квартиру профессора Сурата. Вот что там произошло.

В один из январских вечеров профессор, как обычно, пришел домой, быстро просмотрел газету и принялся за свою рукопись. Незадолго до войны он начал писать руководство для молодых врачей. Все знали, что профессор весь ушел в эту работу, продолжал писать ее в самые трудные дни войны.

Профессор уселся за письменный стол, но скоро его отвлек настойчивый стук в дверь.

— Кто там? Что вам нужно? — спросил он.

— Здесь живет профессор? — раздался голос из-за двери.

В комнату вошел высокий человек в военной шинели. Он опирался одной рукой на палку, а в другой нес ребенка, завернутого в теплое фланелевое одеяло.

— Здравствуйте, — сказал вошедший. — Мне нужен профессор Сурат. Это вы?

Профессор кивнул головой, а человек в шинели прошел в глубь комнаты, расчистил на

захламленном книгами диване место и положил принесенный сверток.

— Что вам нужно? — спросил профессор.

— Ваше вмешательство, уважаемый товарищ! — Человек в шинели быстро и умело стал развешивать свою обувь.

— Вы что, простудить его хотите? Видите, я сам в шубе. Заверните немедленно!

— Профессор, — спокойно сказал пришедший, — пациент, которого я предлагаю вашему вниманию, испытал на своем веку более высокую температуру.

Профессор вел наблюдение за специальной группой больных в клинике, иногда участвовал в консилиумах, а на дому больных не принимал. Но, прежде чем он успел объяснить это Гасилову, тот поднял на руки малыша и бережно стал снимать с него кофточку, рубашонки, согревавшие тедешное тельце.

— Да прекратите наконец это раздевание, — сердито сказал профессор, азял Павку и быстро завернул его в одеяло. — Подождите, а сейчас печурку растоплю. Она за пять минут раскалится. Тогда и разденете ребенка!

Пока врач закладывал в печку тонкие чурочки и раздувал огонь, Гасилов стал излагать профессору историю болезни ребенка. Обстоятельно, со знанием дела, он сообщил о выводах, сделанных врачами детской консультации, и ко всему этому добавил свои собственные наблюдения. Профессор спросил, какие болезни перенес ребенок со дня своего рождения. И тут пришлось Гасилову рассказать, как нашел он Павку.

Мог ли профессор сердиться на человека, нарушившего его покой, после того, как узнал

истории! Осмотрев нежданного пациента, профессор начал говорить об общем истощении организма, которые он обнаружил в маленьком пациенте, — о рахите, кохите. Чтобы бороться с этим, нужно, по его словам, сложное и очень хорошее питание. Профессор говорил о таких лекарствах и фруктах, которые в то время можно было найти в военное время в военном городе.

Гасилов уловил в тоне профессора нотки сомнения. Он понял, что В. А. Сурат не совсем уверен в том, что его пациент выживает. Не зря он сказал:

— Пожгите его мне дней через десять. И только все будет в порядке... Постарайтесь яблоки достать свежие, если удастся. Даже их в протертом виде.

Гасилов завернул Пашку в его «сорочку одетую», а профессор, казалось, в это время занялся маленьким пациентом. Он вернулся к столу, что-то писал, должно быть, рецепт, что-то брал из ящика.

Гасилов кончил наконец одевать мальчика и сказал:

— Благодарю вас, профессор. До свидания... — и направился к двери, а когда проходил мимо стола, осторожно положил на самый его край сторублевую бумажку.

Профессор ничего не ответил: он что-то записывал. Уже за дверью он нагнал Гасилова, взял у него в ту руку, которая держала Пашку, какой-то пакет и сторублевую купюру.

— Вы мне, молодой человек, денег не подаете... У вас ребенок плох, весьма плох. На эти деньги яблок достаньте, козьего молока. Коза у вас имеется?

Гасилов оторопел и не сразу переспросил:

— Коза? Откуда?

— Вашему сыну чрезвычайно полезно было получать ежедневно стакан два козьего молока и несколько протертых яблок, — сказал профессор. — Я понимаю, яблоки зимой... Это, конечно, роскошь. А надо что-то сделать. Ведь у вас кохит, истощение. Одним словом, купите козу, говорю я вам. И знайте, профессор, Сурат частной практикой не занимается, к нему никого не принимает. Так что вы, пожалуйста, никому не говорите, что у меня папаша. Но его, — профессор ткнул пальцем в стену, — тащите сюда, если у вас появятся... словом, сомнения...

Профессор проводил Гасилова до выхода, прощаясь, закрыл за ним дверь.

У себя на квартире Гасилов развернул пакет. В нем оказалась тысяча рублей и короткая записка: «Для моего маленького пациента. Купите ему козу».

Гасилов еще раз почувствовал, что он не один. Везде находятся люди, готовые помочь ему вырастить человека.

— Что же, коли на то пошло, купим тебя, Пашка, козу, — решил Гасилов. — Обзаведемся мы с тобой в Саратове хозяйством. Будет у тебя, сынок, своя кормилица.

С тех пор минуло восемь лет.

Наступил 1951 год. В середине марта в Москву приехал из Сталинграда профессор В. А. Сурат. У него на квартире собрались гости. Пришел Гасилов вместе со своей женой и Павликом. Юрий Петрович женился на Анне Тимофеевне вскоре после окончания войны. Мальчику тогда было года четыре. Павлик не сомневается в том, что Анна Тимофеевна — его настоящая мама, приехавшая с фронта после войны. Мальчик видел ее в гимнастерке с узенькими погонами офицера медицинской службы.

Пашка уже не впервые был моим гостем. Он всегда интересовался новыми книгами. Пока он сидел в кабинете, погруженный в рассмотрение картинок, пришла профессор Сурат.

Павлик не видел, как тепло встретился Юрий Петрович с профессором, не слышал их разговора. Не видел он, как Гасилов познакомил профессора с Анной Тимофеевной, как крепко пожимала она его руку и благодарила за помощь, оказанную мальчику в тяжелую военную годину. И трудно было поверить, что в то время — восемь лет назад — Анна Тимофеевна не знала даже о существовании не только Пашки, но и самого Юрия Петровича.

Профессор, отпивая небольшими глотками чай, почти шепотом, как бы опасаясь, что его подслушают, обменивался с Гасиловым воспоминаниями о «той» зиме в Саратове. Выпив чай и отодвинув стакан, профессор не выдержал наконец, поглядел на Гасилова, на меня и спросил едва слышно:

— Где же мой пациент?

Гасилов понял беспокойство профессора.

— Вы, должно быть, уже решили, Владимир Александрович, что из осторожности мы его с собой сюда не взяли. Нет, он здесь! Но прежде чем познакомить вас, хочу назвать его настоящее имя. Пожалуйста, не проговоритесь, не назовите его ненароком Пашкой... как называл он в журнале.

Профессор понимающе кивнул Юрию Пет-

ровичу, а тот растворил дверь в соседнюю комнату, подошел к сыну, положил большую руку на его голову и сказал:

— Познакомься, сынок, с доктором, который помнит тебя совсем еще малюсеньким. Вот таким...

Пашка Гасилов встал с дивана и доверчиво протянул руку врачу. Через несколько минут мальчик лежал, растянувшись на диване, рубашка его была поднята к самому подбородку, профессор сидел рядом с ним, прощупывал живот своего давнишнего пациента, выстукивал грудную клетку и говорил:

— Дыши, голубчик мой, глубже. Не напрягайся. Вот так! Умница!

Вернувшись обратно к столу и на ходу вытирая полотенцем руки, профессор довольным тоном обратился к Анне Тимофеевне и Юрию Петровичу:

— Пациентом своим я вполне доволен. Он у вас растет крепышом. Будто никогда и не был вовсе хиленьким. Да да, Анна Тимофеевна, вам, как врачу, скажу...

И профессор обменялся с Анной Тимофеевной несколькими латинскими терминами. Потом прибавил:

— Паренек в полной форме.

— А все козье молочко, товарищ профессор! — шуточно вставил Гасилов.

Уже вечерело, и Анна Тимофеевна напомнила, что мальчику надо во-время лечь спать, чтобы не опоздать утром в школу.

Мои гости собрались уходить.

— Обязательно навестите меня, если побываете в наших краях, — прощаясь, сказал профессор. — Мой адрес: Сталинград, улица Мира... Запомнили?

Я пообещал запомнить. Дверь захлопнулась за моими гостями, а я все еще стоял в коридоре, прислушиваясь к звуку шагов на лестнице. Потом вернулся в комнату и выглянул в окно.

Они шли парами: впереди профессор с мальчиком, позади Анна Тимофеевна и Юрий Петрович. Профессор шагал, положив руку на плечо ребенка, и энергично размахивал свободной рукой. Он, видимо, о чем-то с увлечением рассказывал Пашке.

Зажглись первые фонари. Отблески огня ложились на мостовую, и от этого дорога казалась очень широкой.

Стоя у окна, я взял записную книжку, открыл ее на букве «С» и записал большими буквами:

«СТАЛИНГРАД, УЛИЦА МИРА».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАГОВОРА ПРОТИВ РОССИИ

Гр. ГРЕБНЕВ

Рисунки Н. Долгорукова

«Телеграфная дорога Аляска — Сибирь»... «Магистраль Париж — Сибирь»... Синдикат «Транс-Аляска-Сибирь».

Эти громкие названия мало кому были известны, но людям второй половины XIX века. Молодые поколения и даже ровесники нашего поколения, исключая, конечно, тех, кто знает об одной из самых интересных международных авантур империалистов.

Некоторые пожилые люди вспоминают

«Да! Помню. Это дело кончилось шумом».

События американских капиталистов, мечтавших соединить между собой путями Америки с Европой через Сибирь, началось, начиная с 1898 года, не менее трех тысяч сообщений во всей мировой прессе. Проект поддерживали известные банкиры Америки: Морган, Дж. Хилл, представитель банковского дома «Кун-Лоб» и Яков Шифф, директор Нью-Йоркского Национального банка.

Куртис, сенаторы, министр правительства Теодора Рузвельта. В аферу были втянуты и высшие государственные чиновники, во главе с премьером.

Самым активным инициатором и организатором выступал один из крупнейших финансистов того времени — железнодорожный магнат Эдвард Генри Гарриман, всем известный по роману Аверелла Гар-

римана «Сибирский ж. д.».

Этот проект помог понять, какой была тогдашняя Америка со стороны экспансионистов на рубеже XIX и XX веков.

Вашингтонская академия наук и искусства экспедицию в состав экспедиции метеорологи, зоологи, минералогические, различные ученые и научные общества.

Экспедиция печатала рядышечный шум.

Экспедиция производила впечатление американских газет о том, что экспедиция будет сопровождать экспедицию с ее участниками и лишняя так и морского

Экспедиция этого «железнодорожного» каталога истинную экспедицию. Экспедиция воз-

не только Аляски, тогда уже принадлежавшей Америке, но и... Чукотки, т. е. русской территории. Американские хищники, за гроши купившие у царского правительства в 1867 году обширные русские владения на северо-западе своего континента, уже заглянули на богатейшие русские земли, лежащие по нашу сторону Берингова пролива. И не только заглянули, они хозяйничали уже на Чукотке, на Колыме, на Камчатке и на русских Командорских островах. Американские контрабандисты, спаянные чукчей, за бесценно скупали и увозили в Америку пушнину. К концу XIX века, проникнув, что на Чукотке есть золото, эти любители легкой наживы основали под «русской» вывеской американское акционерное общество и стали даже распродавать американским золотоискателям русские земли.

Но у Эдварда Гарримана были значительно более широкие виды на Чукотку. И не только на Чукотку, как мы увидим далее.

Итак, американская экспедиция, снаряженная на Аляску, вдруг направилась на Чукотку. Однако на сибирский берег ей не удалось попасть. Буря, разыгравшаяся в море, заставила изменить курс. Капитан напорол судно и какому-то острову, а по окончании шторма повел потрепанный гарримановский «шхун» на юг, к берегам США.

Поскольку речь зашла о Чукотке, припомним историю еще одной «научной» экспедиции. Перед нами русский журнал «Природа и люди» № 4 от 28 ноября 1902 года. Статья, озаглавленная «Через Сибирь к Берингову проливу», начинается так: «Гарри де-Виндт только что поместил в последнем номере одного американского журнала путевые заметки о своей поездке по Сибирь».

Журнал «Природа и люди» ничего не говорит о спутниках де-Виндта. Но из американской прессы того времени можно было узнать, что «неутомимого путешественника» сопровождал французский виконт Кленшан-Бельгард и

американский железнодорожный инженер Джордж Гардинг.

С какой же целью приехали в Сибирь «географ», виконт и инженер? В американском ежемесячнике «Харперс Мэгазин» Гарри де-Виндт сам достаточно точно определил задачу своего путешествия: «Возможно ли провести американскую железную дорогу в северо-восточной Сибири? Вот что нас интересовало...» И тут же автор статьи заверяет тех, кто послал его на север России: «Огромные минеральные ресурсы края, через который пройдет наша дорога, с лихвой оплатят расходы на нее в течение нескольких лет».

Ясное, кажется, не скажешь!

И еще одного «ученого» необходимо упомянуть в нашей предисловии к гарримановской авантюре, тем более, что в дальнейшем именно он выходит на авансцену в этом американском заговоре против России. Это Лойк де-Лобель, француз, инженер-путевец, «строитель железнодорожных туннелей». Так, по крайней мере, афишировала этого агента американских империалистов пресса того времени.

Спустя два года после неудачи с гарримановской экспедицией Лойк де-Лобель прибыл на Аляску, чтобы изучить берег и дно Берингова пролива. Вернувшись в Нью-Йорк (вместе с де-Виндтом, перебравшимся с Чукотки на Аляску), Лойк де-Лобель имел, как сообщили американские газеты, свидание с «некоторыми владельцами американских железных дорог». Затем он обнародовал свой сенсационный проект... «магистраль Париж — Нью-Йорк с железнодорожным туннелем под Беринговым проливом».

Здесь уместно будет вернуться к Эдварду Генри Гарриману. Этот владелец 27 американских железнодорожных линий, участник ряда международных железнодорожных компаний, стремился положить руку на железнодорожную сеть чуть ли не всего мира. Гарриману, в частности, принадлежала дорога «Юнион Пасифик»,

пересекающая всю Северную Америку, но ее рельсовые пути, к величайшему огорчению хозяина, обрывались у Тихого океана. «Океан!.. Ну, что ж, мы продлим нашу «Юнион Пасифик» на азиатском берегу этого океана, и наши поезда помчатся через Китай, через Сибирь и Урал — к Балтийскому морю, они добегут до самого Парижа... И американская магистраль «Юнион Пасифик» станет кругосветной» — так рекламировала перед репортерами свои замыслы Э. Гарриман в те дни.

Эти «мечты» американского хищника охарактеризовал с исключительной образностью и лаконизмом Алексей Максимович Горький:

«Если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар — он протянет руку через Берингов пролив и срывает любимое растение, не сходя с места».

Думал ли Гарриман действительно построить железную дорогу на Чукотку и в Якутии? Конечно, нет! Провести железнодорожную линию протяжением в 5 тысяч километров на Крайнем Севере, в условиях полугодовой полярной ночи, в тундре, где бывают 60-градусные морозы и пурга свистит неделями... Соединить лотом две линии, аляскинскую и сибирскую, 60-километровым туннелем, проложенным подо дном морским!.. Эта задача в те годы была по силам лишь героям фантастических романов. Но Гарриман был героем совсем иного вида. Что действительно было Гарриману — так это получить концессионные права на эксплуатацию всей северо-восточной Си-

права, делавшие его полностью хозяином поверхности и в Восточной Сибири. Вот о чем говорил Э. Гарриман и его попутчики из Белого дома.

В 1901 году, в те самые дни, когда Лобель «обосновывал» проект «Магистраль Париж—Нью-Йорк» в Петербурге принимали в двух знатных американских семействах, сенаторов Джея и Бевериджа. По приезде Джон Альберт Беверидж сделал в журнале «Сатердей иннинг пост» редакционное заявление более чем откровенное:

«Мы можем разрешить России пользоваться территорией на западе Иркутска; на восток же от этого города простирается восточный рынок Америки...»

В том же 1901 году, выступая на заседании американского конгресса, сенатор Альберт Беверидж разликся соловьем.

«Судьба, — вещая он, — предпала нам нашу политику... Мы создадим опорные американские пункты по всему миру. Вокруг этих пунктов вырастут великие американские колонии, в которых будет развиваться наш флаг... Наш американский образ жизни последует за нашим флагом. Американский закон, американский порядок укоренятся на тех землях, которые доньше покрыты темнотой...»

Знакомые, весьма знакомые слова! Как известно, в наши дни американские «опорные пункты» по всему миру именуются попросту военными базами.

После экспедиции Лобеля на Аляску и Гарри де-Виндта и сенаторов в Россию события развивались уже по определенному плану. В Нью-Йорке было решено для начала действовать через Францию. Здесь Лобель должен был обнародовать свой проект «Магистраль Париж—Нью-Йорк через Сибирь и Аляску». Согласно проекту, ветка от мыса Дежнева до Красноярска должна была быть построена на концессионных началах «французами». Для «встречного» же строительства на Аляске создан был в Нью-Йорке другой, американский синдикат этой компании, юридическим представителем которого выступали главные инженеры железных дорог Э. Гар-

римана и Дж. Хилла: Армстронг, Пеграм, Рохвер, Корхелл и Уодделл.

Лобель развил в Париже бешеную деятельность: он привлек в свой «синдикат» видных французских банкиров, бывших министров, аристократов, генералов и прочих «людей с именами», добился «высокого покровительства» со стороны тогдашнего президента Франции Эмиля Лубэ. Он устроил в Сорбонке доклад о «Великой магистральной», издал о «будущей Аляско-Сибирской железной дороге» книгу и настойчиво, в течение трех лет, вел из Парижа переговоры с русским правительством. Американский же филиал гарримановского авантюристического «синдиката» до поры до времени помалкивал.

Что касается царского правительства, то вначале оно отвечало отказами. Оно, как видно, не особенно верило в наличие у Лобеля и его французских сообщников достаточно крупных капиталов... Однако после того, как Лобель в 1904 году получил третий отказ, Гарриман посылает его в Петербург с самыми неограниченными полномочиями уже от имени американского синдиката «Транс-Аляска—Сибирь».

В подкрепление Лобель захватил с собой любопытный документ, на котором расписался член правительства Теодора Рузвельта — министр финансов Лесли Шоу. «Принимая во внимание выгоды, которые доставит железная дорога «Транс-Аляска—Сибирь» Соединенным Штатам и России, — говорилось в документе, — мы выражаем пожелание относительно ее осуществления и обязуемся содействовать своими капиталами и личным участием в деле образования компании для эксплуатации железной дороги «Транс-Аляска—Сибирь» немедленно по получении указа императора все-российского, разрешающего означенную концессию...» Кроме министра финансов, это письмо подписали многие финансовые тузы США и в их числе директор Национального банка в Нью-Йорке Алфред Куртис.

Гарриман и его подручные вручили Лобелю и проект «условий» будущей концессии. Вот основные пункты этого чудовищного по своей наглости «проекта»:

I. «Синдикат «Транс-Аляска—Сибирь» предполагает построить за свой счет на концессионных началах железную дорогу от Красноярска на Якутск — Верхне-Колымск — мыс Дежнев протяжением в пять тысяч верст. Далее будет построен туннель под Беринговым проливом до острова Диомид, откуда намечается постройка второго туннеля — до мыса Принца Уэльского (на Аляске).

II. В виде возмещения за понесенные затраты русское правительство должно отвести синдикату сроком на 90 лет, помимо полосы отчуждения под рельсовые пути, железнодорожные постройки и устройство телеграфа еще по 8 миль (12 872 метра, или круглым счетом 12 верст)

ми, причем в отношении этих земель на концессионеров передаются все права, принадлежавшие государству... которое предоставляет им также копии планов, описания, статистические материалы и пр., относящиеся до сих земель» (полностью «Проект» опубликован в статье С. В. Славина в сборнике «Летопись Савера»).

Иными словами: Э. Гарриман и его коллеги добивались не более и не менее, как захвата в свое полное и неограниченное владение и управление всей поверхности и недр территории в Восточной Сибири в 120 тысяч квадратных верст.

Но аппетиты «синдиката» на этом не кончались. Он требовал, чтобы ему было предоставлено право: «...Приобретать и другие земли с целью их обработки, разведения плантаций, постройки строений и т. п.; устраивать... вспомогательные пути, каналы, порты, плотины, набережные, доки, амбары, элеваторы, трамваи от станций железной дороги; устраивать транспортные предприятия на суходождных реках и на море... эксплуатировать рудники, заводы, леса, каменоломни; добывать и эксплуатировать электрическую энергию и всякую иную силу...»

«Условия» требовали освобождения синдиката от налогов и таможенных пошлин и права «концессионеров» вербовать вооруженную охрану, т. е. создавать собственные американские военные части в Восточной Сибири.

Короче говоря, речь фактически шла об американской оккупации территории севверо-восточной части Азиатской России.

Однако происки Лобеля, бывшего в Петербург осенью 1905 года, не увенчались успехом. Царское правительство испытывало в это время страх перед высокой поднимающейся волной первой русской революции. Согласно царских министров на «проект» Э. Гарримана дало бы в руки революционным и просто оппозиционным кругам России лишний козырь против царизма, уже вызвавшего широкое возмущение своими авантюрами в Корею и Маньчжурию. В этих условиях премьер-министр Витте хотя и не гнал Лобеля в шею, но и не спешил вступать с ним в переговоры.

На добившись аудиенции у Витте, Лобель направил свои усилия и гарримановские доллары на обработку членов царской фамилии. Через известного авантюриста и агента американских хищников, хозяйничавших на Чукотке, В. Волларянского Лобель подкупил великого князя Николая Николаевича Романова, имевшего большое влияние на царя. Через другого известного взяточника, министра двора барона Фредерикса, он добился благосклонного отношения к гарримановской аванюре со стороны царя. Среди бумаг великого князя Николая Николаевича сохранилась следующая его записка: «Имею возможность говорить про дорогу «Сибирь—Аляска» (очевидно, с царем — Г. Г.). Отнеслись более чем сочувственно. Советую конфиденциальнейшим образом предупредить, что есть громадный шанс на значительные комиссионные, — и чтобы не уезжал. 25 ноября 1905 г. Николай».

В результате состоялось соглашение в совете министров,

ний князь. Была создана при министерстве путей сообщения столь желательная для Лобеля комиссия под председательством Циглера-фон-Шафгаузена.

Однако нашлись русские патриоты — ученые и инженеры, которые доказали, что «проект» Лобеля представляет собой пустой блеф с технической точки зрения и лишь маскирует жульническую затею американских миллионеров, возражали и многие русские капиталисты, обвинявшие тем, что «вся барыш от этого дела достанется американцам». Но главной причиной, которая опрокинула гарримановское империалистическое посягательство на Россию, была бурно разрастающаяся революционная борьба народных масс. В дни, когда в Москве героические революционные дружины с оружием в руках боролись против царских войск, царская камарилья не могла так легко решиться на новые авантюры.

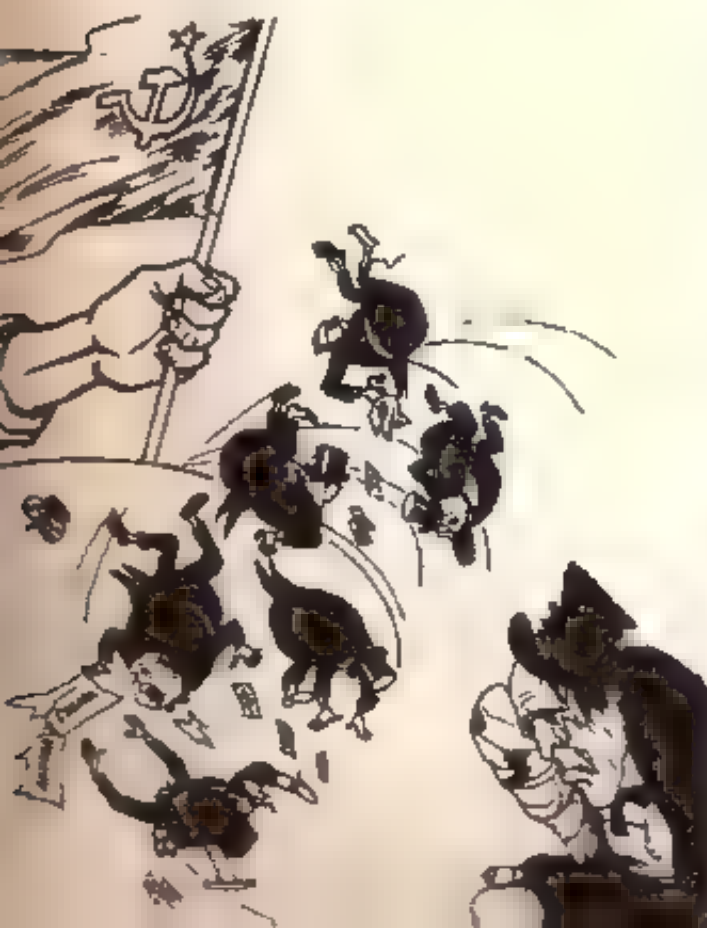
Политики из царских министерств решили прибегнуть к тактике заигрывания. В Вашингтоне, разумеется, расшифровали эту тактику. Был пущен в ход излюбленный прием американской дипломатии — шантаж: в печати появились сообщения о переговорах относительно займа, предоставляемого Америкой... Японии.

Иными словами: либо отдавайте американцам Сибирь подобру-поздорову, либо они вновь натравят на вас Японию, отнимут у вас Сибирь вооруженными руками...

Чувствуя за своей спиной поддержку Белого дома и фактически купив царский двор, Лобель держал себя все более нахально. Узнав, что в России обсуждаются проекты постройки Амурской линии Сибирской железной дороги, он немедленно предложил построить на средства «синдиката» не только Амурскую линию, но и целый ряд других ответвлений от основной американской железнодорожной линии Красноярск—мыс Дежнева: к Охотску, к Чите, к Благовещенску, Хабаровску и т. д. Иными словами, вместо линии в 5 тысяч верст «намечалась» линия уже в 10 тысяч верст! Американский синдикат предлагал «выручить Россию» и докончить строительство Великого Сибирского пути, т. е. захватить в свои руки территорию уже не в 120 тысяч квадратных верст, а в 240 тысяч квадратных верст.

Все же 20 марта 1907 года царский совет министров вынужден был окончательно отклонить проект Лобеля.

Как известно, провал этого «проекта» не прекратил домогательства американского империализма. Попытки «протянуть руку» через Берингов пролив настоятельно повторялись вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, прекратившей хозяйничанье иностранных капиталистов в России. Известно также, как в годы интервенции — 1918—1922 — эта рука, пытавшаяся использовать иные методы для добычи «любимого растения», была обрублена героической Советской Армией. Тем не менее и в наши дни, когда боссы с Уолл-стрит открыто выступают с претензией на руководство всем миром, далеко не бесполезно помнить страницы истории, характеризующие как аппетиты, так методы империалистического американского империализма, провозглашающего, что «еще не зари века»

А. В. Архипов. НА ВОЛГЕ.

Государственный Русский музей. Ленинград.

Н. А. Касаткина. СБОР УГЛЯ.

Государственный Русский
музей, Ленинград.

Женщина густо покраснела. На следующее утро она прудовала уже большим фарфоровым чашечкам, который легко врезался в кожу на большой палец.

M. GRIMMER

Второй раз пошел на поле Назар-бобо остановился и, с трудом присев на корточки, наклонился над землей. Потом подошел к забору и пошел тростью в отпечаток ног между прозелеными лепестками.

— Это что? — строго спросил он.

— Ой-ой! Видно, здесь прошел человек, — укоризненно покачал головой.

— След глубокий, а вокруг гладко. Значит, прошел, когда почва была сыра. Видно, после полива катманы не пасались.

— Не успели, — ошущенно прижмулся земляне.

Впереди молча хлопотники не подаяв бригаде привлекать всеобщее внимание. Все шло, как на подбор пыльные и рослые, усатые голубоватыми цветами, яркими толстыми коробочками.

В гору пошли дела бригады, — говорили друг другу козловники. — Вот чудеса! Каждый днем зной спадает, а ночью наваливаются холода. В огородах похлопывают и джугара, чувствовалось приближение.

Вдруг собралась по тридцать с лишним центнеров с гектара — невиданный в козловниках! Козловники заговорили о красной дожде и ний весте и до областного откуда приехала группа специалистов.

Вот так же и в других местах.

Потом взяли у асадуллинцев образцы красной глины и привезли на исследование.

В ожидании с нетерпением ждали результатов. Но специалисты и даже рыжеволосая асадуллинская хранили загадочное молчание.

Наконец на одно из воскресений было назначено общее собрание. В осенний солнечный день люди собрались задолго до начала прямо во дворе правления, расселись на кошмах и коврах. Все с интересом ждали, что скажут ученые, и, когда Хамракулов, подтянутый и возбужденный, торжественно возвестил, что сейчас будет говорить агроном, мгновенно наступила тишина.

Агроном вышел из правления и осмотрелся по сторонам, кого-то отыскивая. Наконец заметил молчаливо сидевшего в задних рядах Назар-бобо Миразиева, раздельно и громко проговорил:

— Что же тут докладывать?.. Мы все стороны исследовали красную глину и пришли к заключению, — это пустая порода и никаких особых свойств у нее нет.

Во дворе поднялся навозобразный шум. Люди знопились друг друга по плечам, разводили руками, многие смеялись.

Внезапно послышались голоса:

— Э-э-э! Назар-бобо, где ты там?

— Как все это понять?

— Разъясни нам.

Старик не спеша вышел к столу президиума, оперся на трость и спокойно проговорил:

— Я это знал.

Шум стал еще сильнее, десятки голосов слились в один общий говор. Хамракулов, красный от напряжения, стуча костяшками пальцев по столу, и когда стало тише, повернулся к старому.

— На ведь урожай-то, урожай-то definitely получился на спелу!

Люди замолчали, ожидая, что скажет в ответ старик. Назар-бобо понял это. Он устало переступил с ноги на ногу. Но его загорелому морщинистому лицу скользнула едва заметная улыбка.

— В народе говорят: зорой погубило под каждый хуст виноградника по одному волоску на своей бороде, и ты получишь хороший урожай... И это, друзья мои, действительно так!

Он вдруг яростно и широко улыбнулся, обнажив горные десны и, повысив голос, тряс бородой, заключил:

— Конечно, не от волос, а от того, что, зоркой их, глубоко рылните землю... Вот так и здесь!

По двору повисли дружный азарт. Смеялись утробный агроном, степной геолог, изволованный председателем и круглолицый землевладелец. Затем, отдохнув, не скупясь на слова, крепко стали смеяться над бригадой асадуллинцев и всеми теми, кто не может работать без красной глины и волос из собственной бороды...

Володя Дубинин сегодня и тогда. Снимок 1941 года.

Спустя десять лет...

Десять лет назад, в канун Нового года в штурмовую ночь моряки Черноморского флота высадили десант в нескольких пунктах Керченского полуострова и освободили от фашистских захватчиков города Керчь и Феодосию.

Когда один из десантных отрядов попался в районе Старо-Керченского железнодорожного узла Керчи на встречу ему бросился мальчишка, возбужденно размахивавший шапкой. С изумлением, осунувшегося лица подостро смотрели полные радостных слез сияющие глаза. Это был маленький разведчик змиевского в глубине железнодорожного партизанского отряда, керченский инженер Володя Дубинин. Он был единственным, кому в последние недели блокады подпольной партизанской группы удавалось проникать на поверхность для разведки.

В ночь под Новый год саперы, проводившие Володю Дубинина по известной лишь ему тропе, разминировали один из туннелей в подполье на железнодорожном узле Керчи. Володя был в компании с другими саперами, расчищая путь для подпольных партизан. Фашистская минная оборона жила в четырнадцатилетнего героя.

Десять лет прошло с того дня, но не забыто имя Володи Дубинина. О нем вспоминают пионеры во всех уголках советской земли и в строках народной демократии. Именем Володи Дубинина назвали улицы и школы в его родном городе. Ему посвящен уголок в керченском музее. Минувшим летом перед фасадом школы, носившей имя Володи Дубинина, установлен бронзовый бюст. Большой белый мраморный бюст, изображающий юного героя, был установлен в Керчи на Всемирном фестивале демократической молодежи и студентов.

Непрерывным потоком идут письма в Керчь к матери героя Ефимии Тимофеевне, и в школу имени Володи Дубинина. У матери хранятся фотографии, где Володя снят со своими ближайшими товарищами — Вадимом Гринченко и Тимом Козловым в послевоенный со ставившими группу партизанских разведчиков, действовавших под началом Володи Дубинина. Часто у Володи Дубинина останавливаются грузины Никиты-Буржуазного комбината. Из их книг выводил художника, строгий родитель мальчишки.

— Здравствуй, тетя Дуся, Это на минутку заглянул по пути, чтобы известить старых друзей и родичей, самый близкий друг и двоюродный брат Володи, на раз ходивший с ним в опасные партизанские разведки, Вадим Гринченко.

А недавно приехал свою последнюю фотографию третий разведчик из группы Володи Дубинина — Алексей Козлов, ныне находящийся в рядах Советской Армии. Он частенько проводит беседы с молодежью бойцами о героических делах пионеров подпольной крепости.

Маленький домик, где живут мать и сестра Володи, часто навещают местные и приезжие пионеры, сюда приходят бывшие товарищи Володи детства, бывшие соратники спящего керченского школьника...

Л. МАКСИМОВ

Володя Дубинин сегодня и тогда. Снимок 1941 года.

Иллюстратор Аркадий Гайдар

У каждого художника-иллюстратора есть «своя» пища, которую он особенно любит есть. Над иллюстрациями которого он с удовольствием работает. Талантливый писатель стал Аркадий Гайдар для молодого писателя-художника Дубинина. Два года назад закончилась его дружба с Аркадием Гайдари. Внимательный читатель знает, насколько он любил «Чук и Гек» и рисунки, удостоенные Сталинской премии. Дубинин вспоминает этот случай в точном последовательности, сходящей друг друга событий. Иллюстрация была своеобразным знакомством. Запечатлелся еще о чем-то, а подчас только упо-

минал автор. Повесть, отходящая от юного перрона, далекого путешествия мальчишкой заснеженный таинственный городок у Сибири гор, торжественные светские люди обо всем этом просто и тепло, на террасе легкой, пушистой, услаждающей Гайдара сумел рассказать художник.

Новая серия рисунков Дубинина иллюстрирует другие произведения Гайдара, «Р. В. С.», — повесть о жизни ребят в трудные годы гражданской войны. Озорной говорун и фантазер Жиган и обстоятельный, рассудительный, доверчивый лавинчик Диев совершают героические поступки, помогают раненому члену Революционного комитета спрятаться от бандитов, ула-

живают за ним и, наконец, сообщают о нем бойцам Красной Армии, которые освободят раненого командира. На воспроизведении из третьей обложки нашего журнала рисунка запечатлено самое важное в повести. Здесь и первый разговор приятелей на берегу реки о бандите в отряд красных, и беседа у разрушенного сарая о новостях, и встреча с раненым командиром, и горькие слезы Диева об убитой бандитом собаке Жиганке, и жесткий «зеленый» командир, и, наконец, отъезд командира.

Мои товарищи с гордостью называли ребят Гайдара такими же товарищами, как сам и я, молодой художник.

Володя Дубинин сегодня и тогда. Снимок 1941 года.

подогретая трубка из матового стекла ничем не напоминающая электрическую лампу в обычном представлении. Но включив, я она начинает светиться в первую секунду ярче, чем мерцающий, а потом — равномерным, без слепящего блеска, словно солнечные лучи, проходящим тонким облаком. Попробуйте долго и не отрываясь

реть на святящуюся трубку, —
ваше же участие. Если перед ва-
сего же книга или мейко-
м — вы же будете при-
своить, несколько на-
тот. Разложите перед са-
тот — то и то — и то —
ваше же участие.

Внутри продолговатой трубки мы увидим тончайшие волоски только при очень хорошем увеличении. Пространство внутри заполнено органо и медулами. В них перек и другие клетки. Двухрядный эпителий. Он, в свою очередь, отдает фосфор — состав, покрывающий внутреннюю трубку. Люминофор — это

1. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.1. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.2. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.3. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.4. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.5. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.6. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.7. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.8. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.9. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85
 1.10. В соответствии с требованиями ГОСТ 17.001.01-85

Новый принцип преобразования электрической энергии в световую весьма экономичен. Давая равномерный, рассеянный белый свет (он может иметь также розоватый или голубоватый оттенок, в зависимости от свойств люминофора), люминесцентная лампа потребляет в два-три раза меньше электроэнергии и служит значительно дольше обычных лампы накаливания. Новые лампы сконструированные в лабораториях советских ученых, освещаются в массовом производстве.

В просторном, недавно отстроенном цехе Московского электролампового завода люди работают в белых халатах. Со скрупулезной точностью, в стерильной чистоте составляется шихта — смесь — для ламиниформов. Размолотые жаропрочные фарфоровые микробиллы замешивают прочнолипающую в электротопках, сушатся, просеиваются. Растворенный в минеральном масле шихт образует слипкообразную массу. Основным способом покрытия — с помощью пылеуловителя отапливаемого, отобранных по размерам, грубого. На специальной машине в трубочку припаивают электроды. Затем откачивается воздух в вакуум, заводятся ртуть и аргон.

Множество сложных операций происходит в цехе прежде, чем к испытательному стенду подведут том и выстроенные в ряд матовые трубки испытывают изнутри мягким светом.

Ламинирующие пленки с маркой Московского ордена Ленина электролампового завода широко применяются советскими людьми в домах различных областей

На комбинатах Трехгорной ману-
фактуры они освещают цехи
краской и ситцевым икрой фабрики

Вот из-под чешуи печатной машины стремительно ползет тучка с только что нанесенным на нее многоцветным рисунком. Сопло люминесцентной лампы помогает

М. В. Уткина

Вот так и осуществляется процесс обучения. При обычном электротехническом образовании на нейрореабилитацию не уделяется почти никакого внимания. В нашей школе, наоборот, акцент делается именно на этом. Благодаря этому студенты получают знания, которые им понадобятся в будущем.

По примеру «Трёхгорных» многие предприятия гостиничной промышленности устанавливают у себя информационные системы.

Люминисцентные лампы горят на угольных штекерах, на станции московского метрополитена.

Гот кто давно не бывал в провинциальном Эрмитаже, теперь, придя туда, поразится волшебным перемещением в некоторые залы. Иногда прежде не было так светло под старинными сводами музеев Потоки рожного белого света, устремляясь сверху и с боков, открывают во всей красе жи-

вописные полотна, многие из которых прежде были частными собраниями палатников. Любопытное восхождение половецкой кукушки зрителью немало замечательных произведений искусства. Ранее не всегда доступные обзрению.

Новое освещение начинает применяться и в быту. В мастерской художника, в кабинете ученого и конструктора поздним вечером горит дневной свет.

Лампы дневного света украсят скоро одно из первых высотных зданий столицы — Моссовбанк.

Созданные творческим трудом советских ученых и конструкторов люминесцентные лампы облегчают труд, украшают жизнь советских людей.

C. MOROZOV

На станциях метро «Игорная-Калужская»
и «Беговая»

Над крышей

ВЕСКОВСКИЙ

Фото О. КНОРРИНГА

Г. Дорожкин у своего самолета.

Конец пути

В стенной газете Сталинобадского аэропорта мы прочли письмо одного пассажира. Автор письма, видимо, был так полон впечатлений, что несколько перешел на стихи. Он писал:

Горы. Пропасти. Ущелья. Нет дорожки.
Самолет над скалами ведет Дорожкин.
Утомительна, опасна эта трасса,
Но пилот — отличнейшего класса.

Мы в этом убедились, когда летели на Памир. Наш самолет, пилотируемый Григорием Дорожкиным, плавно, почти без рысков, оторвался от земли, сделал круг над аэропортом и быстро стал набирать высоту. Для глаза высота оставалась почти незаметной. Чем ближе к Памиру, тем выше острые пики скал, покрытые вечным снегом. Только взглянув на приборы, отдаешь себе отчет: ты находишься на высоте 3 тысяч метров... 4 тысяч... 5 тысяч.

Под крылом — фантастическое нагромождение хребтов, увенчанных серебристыми ледниками. Но вот хребты преграждают дорогу, и машина на высоте пяти тысяч метров взлетит в ущелье. Рядом с крылом — остро буро-го цвета выступы скал. Внизу течет река Пандж.

— Сколько метров до скалы? Григорий Дорожкин спокойно отвечает:

— Метров сорок — шестьдесят. Машина идет почти впритык к горам. Летчик сосредоточен. Второй пилот осведомляется у пассажира:

— Как чувствуете себя? Можно, кому-нибудь нужен кислородный прибор?

Прибор просит самый маленький пассажир — сын памирского агронома десятилетний Усман Шерипов. Но не потому, что ему трудно стало дышать, а ради любопытства.

Затем машина идет на снижение. Стрелка на приборе качнулась и двинулась в обратный путь 4 500... 4 000... 3 500... 3 000.

— Хорос! Я вижу Хорос! — воскликнул мальчик.

Он не ошибся. Как только машина свернула резко влево, из-за горы показались строения, сады.

Но где аэропорт? Куда же садиться самолету? Кругом горы, ущелья. И вдруг замечаешь у самой горы узкую полоску серой земли. К ней направляется самолет. Пробегают секунды. Машина касается грунта.

Хорос. Полтора часа назад мы были в Сталинобаде.

Спустились по трапу. Навстречу слышится шумная ватага ребятняшек. Это дети из соседних кишлаков. Они всегда встречают самолеты, прилетающие сюда с большой земли.

К самолету подходит заместитель начальника Хоросского аэропорта Иван Павлович Морозов. Он здоровается с летчиками. Разговор короткий. Летчик спрашивает:

— Пассажир?

— Хватит на два рейса.

— А грузы?

— Есть. И на завтра готовим.

Отдых у летчиков короткий: 15—20 минут. Дорожкин потерепляет Морозова.

— Чайку, может, выпьешь? — спрашивает.

— В следующий рейс. Смотри, вот облачко повисло, — отвечает летчик.

Облачно — недобрый вестник. Погода на Памире капризна. Каждую минуту жди сюрпризов.

Первый самолет приземлился на этой площадке в 1933 году. С тех пор и открылась трасса Сталинобад — Хорос. Пioneрами этой трассы были мужественные летчики Леонид Овсъянников и Махит Сабиров. Их имена знает весь Памир и, пожалуй, вся республика. Про Сабирова говорят: виртуоз. Хладнокровно не покидает его нигде. Нечетное количество раз мы слышали историю о том, как однажды Сабиров на высоте в 5 тысяч метров застрял напорода, как откатил один мотор, но летчик, борясь с бурей, все же привел самолет. Сейчас он летает по другим трассам горного Таджикистана.

МЕЖ ГОРЕМ И СЧАСТЬЕМ

Мирзо ТУРСУНЗАДЕ

мира

Но у него достойные президенты памирскую трассу обслуживают пегички Григорий Дорожкин и Николай Андреевич. Они так же искусно водят машины в трудных горных условиях.

Иван Павлович Морозов рассказывает сколько там перевезено пассажиров и грузов.

А не можете ли вы назвать вещи пассажиров? Кто прежнему, сейчас летает по этой трассе?

— Конечно, могу.

Иван Павлович, расскажите, какие журналы, перечислите.

— Учительница Акмалова из Баранской школы. Летела в отпуск.

Их директор, культпросветдела Мамматов врач Чекалина, композитор Киселар из Москвы к нам.

Профессор. Он музыку о Памире написал. Композитор Придорокин.

Он написал у нас ботанический

сад и совхоз, где яков разводит Замиров — секретаря райкома партии — учиться в партийную школу улетел. Летом перевезли 68 воспитанников детского дома — уехали в Сталинабад, поступили в музыкальную школу.

— А грузы?

— Разные бывают, — произнес Морозов и взял со стола другой журнал. — Продукты для Памир-торга, радиоприемники, учебники, медикаменты, суперфосфат для козкозов, семена льняницы, рыба свежая для столовых Хорога, кресла для Дворца культуры.

Помолчал немного, он добавил.

— Зимой особенно трудно летать. Зимой у нас лютов, снежно.

Почетан труд жопекиние аэро-порта. Честно несет он свою вахту, обслуживая пассажиров самой высокогорной трассы мира.

На юге таджикской земли, где отчизны границы,
Стремительно Аму-Дарья своеобразная мчится.

Она разделяет два мира, и падает пена,
Песком засыпая два берега попеременно.

Река протекает меж ночью и утренним светом,
Меж мертвой тоскою пустынь и могучим расцветом.

Река протекает меж рабством и миром свободным
Меж смертью и жизнью, меж горем и счастьем народным.

Река протекает меж лаской и правдой вечной,
Два мира она разделяет струей быстротечной.

По этой воде пограничной на лодке моторной
Мы вверх проплываем навстречу прохладе нагорной.

Тот берег, что слава, шумит камышом, он печален,
Он бремя несет крепостных, сторожевых развалин.

А берет, что справа, вздымается к небу садом,
Красуется зданиями он, возведенными нами.

И славная Вахша волна с торжеством и отвагой
Вливается в Аму-Дарью жизнеутверждающей.

Вливается с юга Кундуз, как невольника слезы,
Вливается с севера Вахш, где шумит вихорь.

Где хлопот цветет на таджикских полях изобилие —
То голуби мира раскрыли чистейшие крылья!

— Вахш! — мы восклицаем, увидев близкие здания
Террасы садов и цветов молодых блистанье.

— Вахш! — мы восклицаем, увидев родную природу
Таджикскую землю, что волюному служит народу.

На этой земле человек поднялся в юные годы —
Там вверх поднимаются горы, деревья и воды.

Земля стала кладом, а злая зарию отразила.
Людишки сердца озарила, глаза озарила.

Ракой, разделявшей два мира, на лодке моторной
Мы движемся быстро навстречу прохладе нагорной.

Тот берег, что слева, как нищего тело иссушим,
Как взоры скупца, он бесцветен, утрям и бездушен.

Пастух, опираясь на палку, стоит у обрыва.
В глазах его, мнится, читаем вопрос молчаливый.

«Сожмите мне, люди на лодке! зачем вы два части
Аму рассекли этот мир — на печаль и на счастье?»

По вашей земле она льется, сады орошая,
А наша земля все такая ж сухая, скупая.

День гаснет. Во тьме исчезают и берег пустынный,
И индий пастух, и земельные башни руины.

Тот берег, что слева, сливается с ночью. А справа
Наш берег сверкает огнями, как звездная слава.

Лишь в памяти нашей остались крутые обрывы,
Пустынь тоска и вопрос пастуха молчаливый.

Моторная вода, дробе непокорные воды,
Приблизилась к правому берегу, к миру свободы.

Они электричеством гостеприимно сияют,
Когда пограничные нам ручьи бошая на причале.

Дарюк И. Андреевич и заместитель начальника Хорезмского аэропорта
И. Морозов закрывают полетный лист.

ПОТЕРЯННОЕ УБЕЖИЩЕ

Жоакин Соэйра Перейра ГОМЕС

В декабре 1951 года исполнилось два года со дня смерти великого португальского писателя-патриота Жозефина Соэйра Перейра Гомеса. Он прожил всего сорок лет. Последние шесть лет жизни провел в подполье. В мае 1944 года Перейра Гомес руководил грандиозной забастовкой в Рибатежо, в которой принял участие более тысячи трудящихся. В 1945 году он был избран членом ЦК португальской коммунистической партии. Перейра Гомес умер среди крестьян Рибатежо, которые срывали его от полиции. Крестьяне села де Жискас, несмотря на салязаристский террор отдали последний долг своему другу. Похороны вылились в демонстрацию протеста против существующего строя. Вот что писала по этому поводу буржуазная газета «Республика» 1 декабря 1949 года: «Когда похоронная процессия проходила по улицам села, жители великодушными республиканскими гимнами «Португеза». Это был необычайно волнующий момент». «Все впервые произвели впечатление». — Перейра Гомес: похитил португальскими детьми, которых никогда не знали, что такое детство». За несколько месяцев до смерти он начал писать роман «Миллиардер» (Товарищ!), одну из глав которого мы публикуем ниже.

Не выпуская из рук чемодана, он ждал, пока подойдет трамвай. Мысль о том, что самая важная часть работы почти завершена, придавала ему сил. «Теперь лишь бы добраться до дома».

Волшебный измученный, мокрый от пота, измученный — от жажды, он усиленно вслепленно старался, как в своем лице беззаботное выражение. Он хотел сказать окружающим его людям, что это прекрасное утро, но пролежал ли? Не обещал ли заплатить за мой чемодан? Там нечего нет, время бежит. Да и кому же он со-

всем не тамебный. Однако люди, ожидавшие трамвая, казалось, и не думали интересоваться им. Они видели в Абеле всего лишь нового претендента на место в вагоне. Им ничего не говорила фигура этого худощавого, плохо одетого парня, чьи глаза порой тревожно поблескивали из-под надвинутой на лоб шляпы.

Когда подошедший вагон остановился, Абель хотел было спокойно подняться по ступенькам вместе с чемоданом, но, обессилев, вынужден был бросить чемодан прямо перед собой на площадку. И сразу же два человека сподобились за ним, как по команде, поспешили на помощь. Притронувшись к шляпе в знак благодарности, Абель невольно вздрогнул, скользнув взглядом по их лицам.

— Ваш чемодан нам не помешает, — не унимались двое. — Можете пристроить его здесь. — Тон был снисходительный и не в меру предупредительный.

— Премного вам благодарен, — поспешно отозвался Абель.

Ему удалось наконец протиснуться по проходу и устроиться на одной из передних скамеек, поближе к выходу. Из всех сил он старался сохранить беззаботный вид.

«Спокойно, спокойно. Ничего корчить из себя кролика, ползавшего в лужу. А эти люди? С какой стати подозревать их? Только потому, что они помогли мне? Но это так естественно!»

Немного успокоившись, Абель закурил сигаретку, сморкнул расстегнутое, отдававшее его от двери, и принялся рассматривать пассажиров. «Каким издерганным нос у той дамы вот смущаясь!» Но попытка избавиться от гнетущих мыслей ни к чему не привела. Те двое, стоя, наблюдали за ним из глубины вагона. «Ах, черт возьми!» Абель мог поклясться, что заметил, как один из них подав знак следовавшему на передней скамеечке пассажиру. «Да, дело начинает принимать дурной оборот. Сейте на первой же остановке, — маленькую у кого в голове. — Но это опасно. Так можно довести полицейскую свору до самого дома. А выйти там, между стеной и пустырем... Но куда он пойдет с огромным чемоданом? Если бросить чемодан и скрыться... Нет, никогда! Бежать не использовал даже «последний шанс», как говорят товарищи, — это означало бросить чемодан без сопротивления — значит предать тех, кто доверил ему этот чемодан, предать своих друзей по борьбе, свою партию.

Ураваей замедлил ход и остановился. Абель без спешки взял чемодан, выпрямился и двинулся к двери, продолжая делать вид, что чемодан легкий и не доставляет ему никаких хлопот. На улице, пройдя несколько шагов, Абель нагнулся, словно завязывая шнурок ботинка, и незаметно оглянулся. Он сразу увидел человека, следовавшего за ним. Это был пассажир с передней скамейки. Абель прибил шаг. Завернув за угол, он вскочил в подъезд какого-то дома, одним духом выбжал по лестнице и остановился на площадке, переводя дыхание. Через стекло над входной дверью ему было отлично видно, как далеко промчался его преследователь с вытянутой шеей, выходящая след.

— Сеньор жог-нибуди мисте? — обратилась к Абелу женщина, жившая вестничную площадку.

— Да... я хотел бы сказать, то есть узнать, где живет сеньор... — И Абель назвал первую пришедшую на память имя.

— Нет, таких нет. Я знаю всех здешних жильцов. Впрочем, дайте подумать. Там направо...

— Спасибо. Всего хорошего, — поспешно побрести он Абель.

Спустившись, он осторожно выглянул наружу. Улица была пуста. Снова повернув за угол, он быстрым шагом направился к дому.

Едва переступив порог квартиры, служившей ему убежищем, Абель в изнеможении бросился на кровать. Он был доволен «еще раз удалось ускользнуть». Несмотря на бессонную ночь, спать ему не хотелось. Только мучительно болевшие стертые ноги.

Три месяца, как он окунулся в подпольную жизнь. Девяносто дней борьбы, преследований, спятивший по чужим людям. И только в этой тесной каморке он дышал свободно. Здесь мир его отделил от чужих и изредка снос Абель очень любил эту комнату с низкими потолком и стенами, обшитыми досками. Вроде бы. У одной стены кровать без изголовья

у другой — грубый стол. Да еще чемодан на полу. Единственное окно выходит на задворки, а за ними далеко-далеко виднеется узкая полоска реки.

Вечером, когда отблески солнечных лучей вспыхивали на грязных и потрескавшихся стеклах окон, в час когда возвращались с работы жильцы, Абель, облокотившись на подоконник, наблюдал за своими соседями, разделяя их радости и печали. Мужчины обычно сразу же принимались за починку старых муратиновых или подпаленных кизилевых деревьев, которые никогда не приносили плодов. Женщины в это время хлопотали, накрывая столы на темных верандах, если только позволяла погода. А кругом, точно голодные птицы, прыгали дети.

Он так любил этих ребят! Издалека они позывали ему свои жалкие игрушки, посылали воздушные поцелуи и воображаемые выстрелы. Он же отвечал на эти страшные гримасы, заставлял их хохотать до упаду. И никогда отчаяние не душило его с такой силой, как в те минуты, когда ночью, среди будничных и пустых разговоров, раздавался вдруг пронзительный плач ребенка. Распахнув настежь окно, Абель весь обращался в слезы, пытаясь понять, что же происходит там, в темноте. Однажды он попытался усовестить соседку колотившую маленькую Луизу, белокурую девочку, которая, как две капли воды, была похожа на его младшую сестричку.

— Зачем так бить девочку! Может быть, у нее что-нибудь болит, вот она и плачет. Оставьте ее. — Голос его прозвучал довольно резко, и женщина отрезала.

— Кто ты такой, чтобы мне указывать? Занимайся лучше своими делами.

Кто он такой? По правде сказать — никто. Его жизнь была такой же, как и жизнь всех тружеников его страны, всех тех, кто изголодался по хлебу и справедливости. Его жизнь та же, что и у этой отчаявшейся женщины. Нищета и ничего более. «Но придет день...» — думал он, — это будет лучезарное, солнечное утро... Да, обязательно солнечное...

Неожиданно его разбудил звонок. Два коротких и один длинный... На ошибся ли он? Подкрался к двери, Абель посмотрел сквозь решетку и только тогда открыл.

— А, это ты! Знаешь, ты меня разбудил.

— У тебя материал разобран? — сразу спросил вошедший, видный, чем-то взволнованный.

— Еще нет. Я, как пришел, сразу же уснул.

— Тогда иди с чемоданом и беги. Район под наблюдением полиции. Снимишь квартиру подальше. Прочти газетные объявления. Товарищ присил передать, что ты должен с ним встретиться в четыре часа. Провинциальный материал принеси в ручном чемодане. Место ты знаешь сам. Если не встретишься, то завтра в восемь. Запомнил?

Абель сел на кровать, сбивший с толку. Он еще не успел сказать эти факты с тем, что произошло с ним в трамвае, и поэтому начал вразумлять.

— Во-первых, мне надо вымыть ноги... Посмотри, что с ними делается! Потом нужно собрать одежду и все-какие вещи... Это займет несколько минут.

— Послушай, полиция влетит в семьдесят девять, а ты мне толкуешь про ноги! И как-то так веди у тебя, чтобы надо было их собирать? Ведь нет ничего.

— Что верно, то верно, — пробурчал Абель, оглядывая на прощание комнату, в которую он двинулся, где жила маленькая Луиза.

Товарищ успех записывал в чемодан белье, а он в это время писал короткую записочку своим друзьям по дому, ушедшим на работу. У выхода товарищ напоминал:

— Ведь мы еще не договорились о маршруте. Ты как пойдешь?

— По «Темной долине», это — самое лучшее, — ответил Абель. И тот согласился.

— Будь здоров. Держись!

Абель крепко пожал ему руку и зашагал, и дело оглядываясь назад.

«Темная долина» на деле представляла собой узкий пустырь, стесненный с двух сторон крутыми откосами. Почва здесь была не только каменистой, и только несколько арендаторов, отнесшихся на пошуривавшейся ферме у самого края пустыря, упростили, пытаясь обработать землю. Далеко город отсюда, а земля дикая. О, асфальт — не...

Долгие служил связкой для
и убеждением для тех, кого горожане
как собак, линком ноги. То бы-
будоражившие по утрам город
протоптали без свидетелей
попытки-попытки с темных улиц, трю-
ведущие вечную войну с собаками
содержимого мусорных ящиков, и, неко-
беспорядочные ребятишки. Все они нати-
здесь, в бараках на досках и обрывках
под старыми мостами, поддерживае-
дрожными плечами.

Этот раз Абел не стал созерцать это бо-
нищеты, раскиснувшееся в чары города
пошел найти убежище и отдохнуть. Про-
глазами газетный лист с объявлением
он уже стучал у двери одного дома.

Здесь сидят мамы и мамы

Да, будьте добры войти.

Он был там темной с одиозным окном,
одинокий на маленький дворик. Здесь на
положении реки адаляна. Не слышно было
ниже маленькой Луизы. Но хозяйка пока-
зала ему добродушной.

Плате давести искусство, — вдруг выпалила

Там дорогой!

Женщина стала оправдываться, поминки и
рынок и пенсия, на которую нельзя
неделя (она была вдовой таксистки).
не колебался. Но проклятый чемодан будто
миле свинцом, и ноги так болят. Он
даже. Собираясь прыгнуть, он вдруг подум-
«Следует купить другой чемодан и обя-
зательно с замком. Ведь стоит мне сейчас-
ти, хозяйка черт знает обещает мой чемо-
д. А может быть, и нет. По лицу, пожалуй,
скажешь, что она любит сказать лос в чужие
да. Но как бы там ни было, другого выхода
да. И он пошел искать чемодан. Когда он
нулся спустя некоторое время, хозяйка
атилась к нему с вопросом

Простите, пожалуйста, сеньор. Но вы мне
не сказали, откуда вы и чем занимаете-
ся. Наверное, служите?

Абел уловил странную перемену, происшед-
шую в ее лице

Да, я торговец. — Он, не задумываясь,
даже какую-то местность, выдавая ее за свою
родину. — Кроме того я немного пишу...

— Так, так, — процедила хозяйка, потом по-
молчала и добавила: — Понимаете, ведь надо
же знать, кого пускаешь к себе в дом. Я и так
матерпалась в жизни.

Абел постарался внушить ей доверие, но он
ясно сознавал: произошло что-то несправед-
ливое. Он бросился к чемодану, там все было
перерыто. Проклятые сорвались с его губ
Сдерживая слезы, Абел почувствовал, может
быть, первый раз за сегодняшний день, что
у него опускаются руки. Обстоятельства до-
кончили его. Шло время, и он не двигался с
места, разбитый и удрученный. Перед его
мысленным взором, шло, шло, проносились
страницы газет. Выстраиваясь в ряд, они гово-
рили о страданиях, причиняемых народу фа-
шизмом, о том, что родина в беде. Они гово-
рили: надо бороться и побеждать. Следова-
ли ему чудились глаза, восполненные от бес-
сонных ночей, обвешанные символами то-
варщины из подпольной типографии. Он смутно
различал руки, выгораживавшие набравшие
статьи. Они мелькали над листами бумаги все
быстрее, быстрее. Наконец ему послышалось —
он мог поклясться, что ласково слышит
далекий приглушенный гул тысяч и тысяч го-
лосов. Они требовали и звали: «Вперед! Впе-
ред!»

Абел вышел, сказав хозяйке, что вернется
вечеру (он прекрасно знал, что не сделает
этого). Опять ему нужно было выбирать между
ненадежностью нового убежища и опасно-
стями, поджидавшими на улице. С большим
трудом добравшись он до места условленной
встречи. Там никого не было. И снова, зажав
в руке последние объявления, он бродил от
дома к дому, цеплялся за перила, поднимался
и вновь спускался по бесконечным лестницам,
гоща свой чемодан.

Наконец он решил, что нашел то, что нуж-
но, — спокойную, надежную квартиру. Сита-
ция окончилась. Из глубины дома до него до-
носились звуки радио. Ножные жикорды ка-
зались такими знакомыми, но он никак не мог
вспомнить, где же он слышал эту мелодию
раньше. Нарочное напряжение понемногу спа-

1 «Вперед» (португальский «Аванте») — на-
звание центрального органа компартии Порту-
галии

дало. Но когда Абел пристроил свой чемодан
в угол, хозяйка объявила ему:

— Сегодня вам придется побыть без ключа.
— Это неважно.

— Если вы хотите, я могу еще раз сходить
принять его там, в тюрьме.

Абел изобразил на лице удивление, и хо-
зяйка пояснила:

— Прежнего жильца, который здесь был,
вчера арестовали. По политическим мо-
тивам, — добавила она шопотом.

Абел оцепенел. Понадобилось некоторое
время, чтобы он мог говорить, не выходя из ко-
мнаты.

— Видите ли, если вы не возражаете, го-
лусть квартира останется за мной до ночи. Мне
еще надо отнести содержимое этого чемодана
в магазин. Я торговлю...

— Очень хорошо.

Абел скатился по лестнице вниз, «Ма может
быть, чтобы за квартирой не следили. В это
самое мгновение он почувствовал озноб.
У входной площадки какая-то подозрительная
фигура вырвалась в сторону и слыхлась с тече-
нотой. Абел успел только заметить: «Низень-
кий, в мехобушенной шляпе. Едва он вышел
на улицу, как темнота метнулась за ним. Абел все
ускорял и ускорял шаги, пытаясь затеряться
среди прохожих. Люди только что закончили
дневные занятия и наполнили улицы. Многие
несли сумки и чемоданы, но ни у кого не
было такого огромного чемодана, как у него.
И он еще хотел остаться незамеченным!

Человек шел за ним, прижимаясь к стене,
словно шпион. Абел видел его в те корот-
кие мгновения, когда останавливался переод-
ытинами. Он чувствовал на своей спине зо-
лодок от его присутствия. Завернув за угол,
Абел пустился бежать. Он надеялся достичь
другой улицы прежде, чем агент вынырнет из-
за поворота. Но когда Абел оглянулся назад,
за ним гнался не один шпик, а два или даже
больше. А один из них был низенький, в ме-
хобушенной шляпе...

Пот заливал лицо, башмаки стонали ноги
словно плакали, и острая боль пронизывала без-
зв. Но, стиснув зубы, в отчаянной решимости
он шпатель «Нет, я не брошу чемодан! Я до-
стою газеты, которые мне доверили!»

Выбиваясь из последних сил, Абел прыгнул
тоду. Пробежав еще одну улицу. Свернув за
угол. Но все это время он чувствовал на себе
пронизывающие взгляды. Сзади маячили за-
ящие силуэты. Он вдруг испугался мальчиш-
ки-разносчика, выкрикивавшего название газеты
парад своим его носом. Какая-то женщина
обругала его последними словами: «Пидар-
ас! Ты задел ее. Проваливай, лыжник, — донос-
лось до его слуха. Но все это не задержива-
лось в его сознании. Только одна мысль жила
в нем: «Нет, я не брошу чемодан, не брошу!»
Его начало душить бешенство. Он готов был
кричать своим врагам, всему городу: «На бо-
юсь я вас, кландалит! А сам все шел, шел, тере-
последние силы.

Вдруг перед ним вынырнул автомобиль. Рез-
кий свет фар ударил в глаза. «Наверное, по-
лицей! Нужно в окружить! Он и не заметил,
что давно уже ночь опустилась на город и что
тысячи огней зажглись повсюду. Им владели
только одно желание: освободиться от пре-
следовавших его теней, укрыться наконец от
цепких взглядов, ошупывавших его с ног до
головы. Уйти! Уйти! А город большой, и спастись,
нет ему конца. И на одной открытой для
него двери! Ах, только бы добраться до
какого-нибудь темного угла...

Он прошел еще несколько улиц, слабо освещенных и почти пустых. Вдруг, оступившись,
Абел почувствовал, что натисся по неровной
поверхности. Поднявшись, он огляделся вокруг.
Множество огней мерцало едаки. Их тусклое
сияние позволило различить Абелу контуры
«темной долины», погруженной в темноту. Без-
молчанье. Он стоял так долго, прислушиваясь, и
гнетущее тоска мало-помалу исчезла. Он не
чувствовал боли в ногах, только резь в плечах
не начала беспокоить его. «Когда же я ее по-
скажу раз?» Он поднял воротник пальто.
Чемодан заменил ему подушку. Какие значитель-
ные голод! Как бы там ни было, а он доста-
нет газеты в срок, задание будет выполнено.
И вот придет день, с таким лучезарным
мечтам утром да, конечно, конечно...

Передик с портупейного

У КРАЯ ХЛЕБА.

Государственный Русский музей. Ленинград.

По просторам Родины

отрадное место в жизни Владимира Мотова — очерк «В на-
всегда тайге, представ-
ляющий собой своеобраз-
но творческий отчет писа-
теля о путешествии по
лесному краю.

В очерке предисловии
через приведенные слова
Владимира Мотова в
сказанные в
«Посмотрите на
Россию... к северу от
идут необычайные
на которых
бы десятки гре-
культурных госу-
И на всех этих про-
така царит патриар-
полудикость и
настоющая дичь

было! На этого уша
Гавос большого и
о очень пахлястого
В. Мотова заклю-
а в покое того, как
бразили и преобра-
а дичье места к се-
Томск как ресце-
за годы советской вла-
грозил паромы нашей

ером очерка — тымские
«Тим» (таежные люди) —
человек гибя ачумлыкун-
то есть измалыш
жилея потому что пре-
они вели полукочево-
из жизни, ютились в зам-
ных морях Глазков заня-
селькупов — охотники бе-
В Мотове пишет «Пред-
ничая поездку на Тим,
люди не имел в виду
брать материал, отвечаю-
запросам «заниматель-
о природе, чужим при-
считать охотничью ли-
туру Пушкин проми-
— обычный трудовой
эффект, только создавая
коллекцию экземпляров. Ко-
чество промысловых
птичек в необозримых
просторах тайги исче-
Однако работа и жизнь
Битников драгоценной
птички почти не нашли
внимание в литературе
даже хотя бы в неболь-
шом мере заполнить это
поле пачкой и стимулиро-
но работу над очерком.

Великий труд тымских
Битников Пушкины из-
омаем (глубоко, со зна-
ем дела. Читатель найдет
очерка сочетание ма-
рские исследования с
терпением и удивитель-
наблюдатель и
общий виденье.

Автор сознательно уло-
на от «занимательного
ора» от «заниматель-
наблюдатель и
общий виденье.

Автор сознательно уло-
на от «занимательного
ора» от «заниматель-
наблюдатель и
общий виденье.

судим репортажем о дея-
тельности тымских проми-
словиков. Очерк заинтере-
лен именно потому, что
речь идет о самом главном,
чем живут люди Нарыма:
о духовном росте этих лю-
дей, возрожденных револю-
ционной и новой жизни, о
чертах коммунизма в жиз-
ни далекой окраины.

До революции тымские
селькупы выжили от го-
лода и эпидемических за-
болеваний. Немало содей-
ствовали этому царские
чиновники и купцы, жесто-
ко эксплуатировавшие та-
ежные охотников. Ныне
селькупы — равноправные
члены великого друже-
ства наций Советского Сою-
за. Изменились условия
труда в Нарыме, изменился
быт.

Описывая селькупское
жизнь, автор говорит:
«С удивлением я переводил
взгляд с одного угла горни-
цы в другой. Лапыны кло-
пов и тараканов — какими
мелкими показались эти
опасения! В таежном жили-
ще царит чистота, куда
не часто встретишь у самой
заботливой городской хо-
зяйки».

В Нарымских дачах по-
явилась школа, больницы,
клубы, песочильные и дере-
вообрабатывающие пред-
приятия, тракторы и ком-
байны, стада молочного
скота, новые рыболовные
и охотничьи снасти, орудия
промысла.

Нет, суровость природы
на мешает процветанию
жизни, при которой труд,
как и во всей нашей стра-
не, стал радостью для сво-
бодного человека — строи-
теля коммунизма, борца
за мир!

Очерк «Дерево в песках»
переносит нас в солонча-
ковые степи Сталинград-
ской и Астраханской об-
ластей. Автор повествует о
делах и днях лесоманифак-
турного пункта Всесоюзно-
го научно-исследователь-
ского института лесосеко-
мелиорации, о пионерах
лесонасаждений в Нижнем
Заволжье Митрофане Але-
ксеевиче Орлове и Федоре
Михайловиче Касьянове.

Очерк «Зауральский са-
мородок» посвящен Тере-
нтий Самойловичу Мальце-
ву — знатому полеводу
колхоза «Звезды Ленина»,
Шадринского района, Кур-
ганской области. Этот кол-
хозник-ученый широко из-
вестен в нашей стране.
О нем написано немало
статей, очерков. Заслуга
В. Мотова в том, что он
показывает Т. Мальцева
«чужим» планом, раскры-
вает характер и душу та-
лантливого мастера земле-
делия, воспитанного пар-

Кроме очерков, в сбор-
нике включены десять рас-
сказов. Читатель знаком с
ними по журналам в таких
рассказах, как «Синевые»,
«Вторая венгерская», «Спои-
ца», «Будни Севера» и «Глу-
хое урочище», подкупает
мягкий лиризм повествова-
ния, чувство нового, свой-
ственного автору, разносто-
ронний показ советского че-
ловека.

Ничего общего
сборника рассказы «Ма-
тель», «Золотое руно»,
«Фрунзе на охоте» и «Ис-
савские шалаша». Это неглу-
бокие зарисовки с натуры
или балластризованный

пересказ чужих воспомина-
ний.

Общее же впечатление
от сборника отнюдь не Вла-
димир Мотов — талантливый
и растущий писатель. Он
много ездит по стране,
кропотливо изучает жизнь
и умеет облечь свои
наблюдения в строгую и
ясную форму. Язык В. Мо-
това, лиричный внешнего
блеска, отличается точно-
стью и простотой.

Книга «По просторам Ро-
дины» обогащает наши
представления о родной
земле, о советском челове-
ке, преобразующем мир.

К. АРАМЛЕВ

Рассказы
Абдуллы Каххара

Узбекская декада литера-
туры и искусства открыла
москвичам талантливого пи-
сателя Абдуллу Каххара.
Его роман «Огни Кошчи-
нара», его пьеса «На новой
земле и, наконец, рас-
казы привлекли особое вни-
мание широкой обществен-
ности столицы. Мне захот-
ся поговорить о рассказах
Каххара, ибо в них наибо-
лее ярко выражено инте-
ресное дарование этого
писателя.

Как известно, искусство
рассказа требует большого
мастерства. И это понятно:
малая форма должна нести
большую идею, большие
мысли. В рассказе, как в
капле чистой воды, должно
отражаться большое море.
Без этого не может быть
настоящего рассказа. Яс-
ность, точность, краткость —
важнейшие условия рас-
сказа. Там, где рассказ рас-
стается, там, где он непо-
мерно раздувается за счет
рыцского сюжета, кончается
искусство настоящего рас-
сказа. Нормальный, здоро-
вый рост литературы пред-
полагает развитие всех жан-
ров, в том числе и жанра
рассказа. Гости порадовали
нас тремя сборниками рас-
сказов, изданных на рус-
ском языке англами Ай-
дым, Х. Назаров и А. Ках-
хара, которые, несомненно,
демонстрируют рост узбек-
ской советской литературы
и в области этого интерес-
нейшего и трудного жанра.

В сборник А. Каххара
вошли одиннадцать рас-
сказов. Часть из них повествует
о жизни дореволюционного
Узбекистана, о жизни тяж-
кой и мрачной. Автор рас-
сказывает

«крестьянин в прежнее
время говорил так: «Уж
лучше пожар в доме, чем
пожара в душе». Дом
пожара в душе... Дом

бедняка — это всего только
десять мерзостей, да воз ка-
мышь, да две арбы глины.
Труд при постройке дома
в расчет не принимался, по-
тому что строителям был
сам хозяин...»

Это из рассказа «Воры».
Всего несколько строк, а за-
мысли встает картина нищен-
ской жизни крестьянина,
стоившего под игом баев.
Что было делать крестьяни-
ну, если у него украл во-
ла? Это — страшное бед-
ствие. Уж лучше пожар в
доме! Однако раз уж при-
ключилась беда, надо идти
с челобитной к властям: к
дворянскому старосте —
эликбади, к золотному
управителю — амину, к при-
ставу. Всем этим лицам
представителям царской
власти нужны подарки. Эти
подарки в конце концов
крестьянина, а вот так и не
находится. Но воле не удо-
вольствились, одолжил Игм-
берды — тата деревенско-
го старосты, одолжил «на
семых легких условиях».

«О том, насколько легки
эти условия, — горячо за-
ключает писатель, — бед
Каххара узнат осенью, когда
собирает урожай».

В другом рассказе, «Гра-
жати, писатель показывает
молодую чету бедных кре-
стьян. Турабджан вынужден
похитить гранаты из сада
богатого князя — духовного
судьи. Вот финал рассказа:

«Турабджан молчал. Его
трясло, как в лихорадке.
Открыл глаза. Он с тоской
посмотрел на жену, в губы
его сарианна болезненная
улыбка. А из груди вырва-
лось — мучительно, тяжело,
с каххитом надрылом:

— Не я... бедность... будь
она проклята!»

Только Великий Октябре-
ский социалистический ре-
волюция принесла счастье
узбечам. Революционный
человек начал строить жизнь

гуществованию этой новой,
молодой жизни угрозали
империалисты и их наемни-
ки — басмачи. В прекрас-
ном рассказе «Прозрение
слепых» А. Каххара изобра-
зил подвиг крестьянина
Ахмата-палеана, смело есту-
павшего в борьбу против
басмачей.

В рассказе «Неудачи Ба-
ки-Мирзы» и «Пугало» асту-
пает теми прошлого, смеши-
ные и жестокие на фоне
новой жизни. Писарь Баки-
Мирза, решивший не слу-
жить советской власти и за-
работавший там, что пи-
сая бумаги для неграмот-
ных, уже не нужен: грамот-
ность пришла в любой уз-
бекский дом...

Лодыр Нуртаджан из
рассказа «Пугало» мечтает
предать свои «права» и
жизнь на дочери Ягдара,
который когда-то промис-
каланный обет отдать
обаян дочерей в залогу ус-
лужения отцу Нуртаджану.
Нравление рассказа символич-
но. Нуртаджан пугало не
только из-за своей внешно-
сти, но и потому, что его
притязания отдают страш-
ной, но уже навстречу забы-
той стариной.

Рассказ «Картинка» посвя-
щен росту колхозного села.
В колхоз приезжают поэт и
кинорежиссер в поисках со-
бытия, которое раскрыло
бы перемены на селе. Но
здесь всё ново: и детский
сад, и электростанция, и чу-
десный сад с фруктовыми
деревьями, и машины, кото-
рые облегчили труд чело-
века, а главное, сами люди
колхоза...

Когда писатель также и
кратко, когда он отказы-
вается от всего, что задер-
живает свободное течение
рассказа, ему сопутствует
успех. Когда же писатель в
рассказе «Золотая Звезда»
на протяжении двенадцати
глав монотонно пересказы-
вает весь путь своего героя
Ахмеджана, от первых дней
пробы в армии до дня,
когда ему присваивается
звание Героя Советского
Союза, рассказ не полу-
чается. Сентиментален рас-
сказ «Синий конверт».

Сила Абдуллы Каххара в
юморе, в краткости и четко-
сти его рассказов, в глубо-
ком раскрытии явлений и
характеров, казалось бы, не
небольшое примечание. Пи-
сатель, на наш взгляд, и даль-
ше должен следовать по
этому трудному пути воз-
растающего рассказчика, не давая
себе никаких поблажек.

Рассказы Абдуллы Ках-
хара написаны, что замеча-
ется, от души. В них слышны
большая любовь и совет-
скому народу к Родине и
той новизне, которая любима
взрослыми и детьми. Та-
лантливый писатель и талант-
ливый человек как Абдулла Каххара.

Абдулла Каххара. Рассказы.
Издательство УССР Украины

испытание животных в зоопарке. У собаки Питишник перерезан спинной мозг и удалена кора заднего полушария большого мозга. У утки перерезана задняя половина спинного мозга

Аспирант И. П. Санкова подготавливает оперируемую собаку Данику к операции по выработке условных рефлексов.

НА ПОДСТУПАХ К РАЗГАДКЕ

А. ДОРОХОВ

Фото Г. Савина

человеком произошел несчастный случай. Когда рано рассвело, руку почти погребен. Удалив омертвевшие ткани, соединили кости и тщательно сшили оставшиеся нервы, сухожилия, кровеносные сосуды. Прошло время, и все благополучно срос-

лось. Но дело, человек почему-то не владел пальцами. Прежде такие движения, теперь ему не повиновались. Он не мог согнуть мизинец — сгибается указательный палец. Да и кожа словно не та, она не чувствительна. Что же произошло в поврежденной руке?

Если бы мы взглянули на любой крупный нерв, мы увидели бы отходящие от него многочисленные ветви. В нервном пучке переплетаются десятки тысяч нервных волокон, и каждое из них имеет свое начало и свой конец. Одни передают ощущения, другие управляют движениями, третьи регулируют работу внутренних органов. Каждое отдельное нервное волокно заключено в тонкий футляр из соединительной ткани.

После катастрофы, а затем ликвидации обрыва концы пострадавшего нерва соединились вновь. Но из начала, связки с мозгом, продолжают жить. Средств восстановления разрушенного участка, клеточного восстановления, и вполне постепенно в области повреждения нервная ткань восстанавливается. Конечно, уже не та, но которая способна до аварии. Препятствование

но не получилось бы на большом расстоянии после бомбежки, если бы не было бы соединили уцелевшие концы. Легко представить себе у человека, который пролежал бы в больнице. Прежде, следовательно

послевоенному вокзалу, стали бы попадать на товарную станцию; направленные на главный путь оказывались бы в депо. Железнодорожный узел был бы выведен из строя.

В таком же положении находится периферия и оперированная рука. Сигналы с периферии попадают в другие мозговые центры, приказы центров либо не доходят до назначения либо искажаются в пути. Поэтому-то потеряли чувствительность и перестали слушаться пальцы.

Но это длится сравнительно недолго. Протекает еще несколько месяцев, и постепенно все начинает чудесным образом налаживаться. День за днем в организме идет неуловимая перестройка. Вся сложнейшая сеть взаимных отношений периферии и центров изменяется, создаются новые связи, пути передачи ощущений и приказов прокладываются вновь. И наконец наступает день, когда поврежденная рука снова действует, как здоровая.

Собака Бесквашин. Питомца года назад у него был перерезан с двух сторон спинной мозг, а в июле 1961 года удалена кора правого полушария головного мозга.

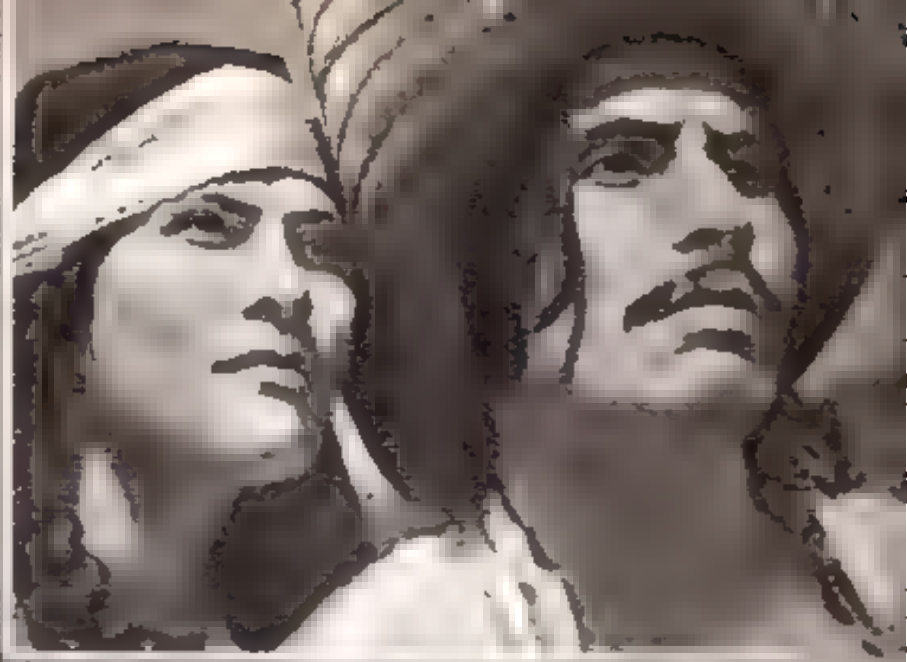

Шизологам известен ряд весьма любопытных опытов. Можно, например, одновременно перерезать у собаки правосторонний срединный нерв, берущий начало в спинном мозге и ведущий правой передней лапой, и правосторонний блуждающий нерв, начинающийся в продолговатом мозге и ведущий внутренними органами. А затем сшить эти самые разрезанные нервы крест-накрест: начало срединного нерва с концом блуждающего и начало блуждающего с концом срединного. Все теперь безнадежно перепутано: палец связан с центром сердца, а сердце командует центром, ранее управлявшим лапой. Совершенно естественно, что на время в организме собаки задержится хаос. На время, но не навсегда!

Через определенный срок нервозность ослабевает, а затем и вовсе исчезает. В работе нервных центров и органов, которыми они управляют, появляется новая согласованность. Перестройка заканчивается благополучно.

Эта чудесная способность организма приспособиться к изменившимся условиям в свое время была названа И. П. Павловым протекцией своеобразного могущественного механизма. Дать замечание она и врачам. Хирурги не только сшивают поврежденные нервы, но и заменяют отдельные их участки небольшими отрезками чужого нерва, взятого у животного и особым образом обработанного. Иногда врачи делают и более смелые операции: например, при параличе ноги пришивают окончание поврежденного болезнью нерва к началу здорового. Через некоторое время парализованный орган начинает функционировать снова, хотя теперь его деятельностью руководит совсем другой мозговой центр.

Но можно ли объяснить все-таки происхождение удивительной перестройки? Этому наука пока не может ответить. Простая идея — перестройка происходит в мозге. А между тем, не менее важно

УЧЕБНИК

«Мокшанские девушки». Герои фильма — Аурелмо и Паломар.

«Ритм Экономидо» Поселение.

Творчество мансиканского живописца Эмилео Фарнандеса

Молодой поэт Лоренсо в отчаянии. Его любимая, цветочница Мария Кандавария, тяжело заболела чахоткой. Необходимо лечить ее. Но жестокий хозяин отказывается пустить Марию к бабке в здание Грустных. Поэт направляется домой. За ночь освещенный окном лезик, напоминающей поэму, Лоренсо видит стеклянным блеском с драгоценным порошком. И внезапно он разбивает стекло и несет домой банку с лепестками.

Жизнь Марии спасена, но Ло-
ренсо попадает в тюрьму.

Этот эпизод из неофициальной
жизни Кандальеро характерен
и в остальном мексиканского ре-
жиссера Эммануэля Фернандеса,
который с детства привык к
фильму «Мексиканская де-
вушка».

Борьба — чрезвычайно раскислен-
ная — что-то вроде огульной жизни
в том же роду. Максим Максимыч
искусно крестьяне и рыбаки, даже
и в правые рыбачьи в ка-
честве чужака обществу пото-
му что он — индеец, индейцы
и даже индейцы, индейцы
и даже индейцы, индейцы
и даже индейцы — вот его племя го-

любовью рисует
чужие судьбы, полн-
справедливые и доб-
из чар да только в
людей встречается
революция и чистиз-
как любовь. Дуралино и
сладким инстинктом дауш-

В соответствии с поручением Комитета на
судебных заседаниях, на стороне
защиты вызваны представители
крупных тор-
говых фирм, представляющих

1. 1960-1961
 2. 1962-1963
 3. 1964-1965
 4. 1966-1967
 5. 1968-1969
 6. 1970-1971
 7. 1972-1973
 8. 1974-1975
 9. 1976-1977
 10. 1978-1979
 11. 1980-1981
 12. 1982-1983
 13. 1984-1985
 14. 1986-1987
 15. 1988-1989
 16. 1990-1991
 17. 1992-1993
 18. 1994-1995
 19. 1996-1997
 20. 1998-1999
 21. 2000-2001
 22. 2002-2003
 23. 2004-2005
 24. 2006-2007
 25. 2008-2009
 26. 2010-2011
 27. 2012-2013
 28. 2014-2015
 29. 2016-2017
 30. 2018-2019
 31. 2020-2021
 32. 2022-2023
 33. 2024-2025
 34. 2026-2027
 35. 2028-2029
 36. 2030-2031
 37. 2032-2033
 38. 2034-2035
 39. 2036-2037
 40. 2038-2039
 41. 2040-2041
 42. 2042-2043
 43. 2044-2045
 44. 2046-2047
 45. 2048-2049
 46. 2050-2051
 47. 2052-2053
 48. 2054-2055
 49. 2056-2057
 50. 2058-2059
 51. 2060-2061
 52. 2062-2063
 53. 2064-2065
 54. 2066-2067
 55. 2068-2069
 56. 2070-2071
 57. 2072-2073
 58. 2074-2075
 59. 2076-2077
 60. 2078-2079
 61. 2080-2081
 62. 2082-2083
 63. 2084-2085
 64. 2086-2087
 65. 2088-2089
 66. 2090-2091
 67. 2092-2093
 68. 2094-2095
 69. 2096-2097
 70. 2098-2099
 71. 2100-2101
 72. 2102-2103
 73. 2104-2105
 74. 2106-2107
 75. 2108-2109
 76. 2110-2111
 77. 2112-2113
 78. 2114-2115
 79. 2116-2117
 80. 2118-2119
 81. 2120-2121
 82. 2122-2123
 83. 2124-2125
 84. 2126-2127
 85. 2128-2129
 86. 2130-2131
 87. 2132-2133
 88. 2134-2135
 89. 2136-2137
 90. 2138-2139
 91. 2140-2141
 92. 2142-2143
 93. 2144-2145
 94. 2146-2147
 95. 2148-2149
 96. 2150-2151
 97. 2152-2153
 98. 2154-2155
 99. 2156-2157
 100. 2158-2159
 101. 2160-2161
 102. 2162-2163
 103. 2164-2165
 104. 2166-2167
 105. 2168-2169
 106. 2170-2171
 107. 2172-2173
 108. 2174-2175
 109. 2176-2177
 110. 2178-2179
 111. 2180-2181
 112. 2182-2183
 113. 2184-2185
 114. 2186-2187
 115. 2188-2189
 116. 2190-2191
 117. 2192-2193
 118. 2194-2195
 119. 2196-2197
 120. 2198-2199
 121. 2200-2201
 122. 2202-2203
 123. 2204-2205
 124. 2206-2207
 125. 2208-2209
 126. 2210-2211
 127. 2212-2213
 128. 2214-2215
 129. 2216-2217
 130. 2218-2219
 131. 2220-2221
 132. 2222-2223
 133. 2224-2225
 134. 2226-2227
 135. 2228-2229
 136. 2230-2231
 137. 2232-2233
 138. 2234-2235
 139. 2236-2237
 140. 2238-2239
 141. 2240-2241
 142. 2242-2243
 143. 2244-2245
 144. 2246-2247
 145. 2248-2249
 146. 2250-2251
 147. 2252-2253
 148. 2254-2255
 149. 2256-2257
 150. 2258-2259
 151. 2260-2261
 152. 2262-2263
 153. 2264-2265
 154. 2266-2267
 155. 2268-2269
 156. 2270-2271
 157. 2272-2273
 158. 2274-2275
 159. 2276-2277
 160. 2278-2279
 161. 2280-2281
 162. 2282-2283
 163. 2284-2285
 164. 2286-2287
 165. 2288-2289
 166. 2290-2291
 167. 2292-2293
 168. 2294-2295
 169. 2296-2297
 170. 2298-2299
 171. 2300-2301
 172. 2302-2303
 173. 2304-2305
 174. 2306-2307
 175. 2308-2309
 176. 2310-2311
 177. 2312-2313
 178. 2314-2315
 179. 2316-2317
 180. 2318-2319
 181. 2320-2321
 182. 2322-2323
 183. 2324-2325
 184. 2326-2327
 185. 2328-2329
 186. 2330-2331
 187. 2332-2333
 188. 2334-2335
 189. 2336-2337
 190. 2338-2339
 191. 2340-2341
 192. 2342-2343
 193. 2344-2345
 194. 2346-2347
 195. 2348-2349
 196. 2350-2351
 197. 2352-2353
 198. 2354-2355
 199. 2356-2357
 200. 2358-2359
 201. 2360-2361
 202. 2362-2363
 203. 2364-2365
 204. 2366-2367
 205. 2368-2369
 206. 2370-2371
 207. 2372-2373
 208. 2374-2375
 209. 2376-2377
 210. 2378-2379
 211. 2380-2381
 212. 2382-2383
 213. 2384-2385
 214. 2386-2387
 215. 2388-2389
 216. 2390-2391
 217. 2392-2393
 218. 2394-2395
 219. 2396-2397
 220. 2398-2399
 221. 2400-2401

упреждающим для насильников и угнатолюбей звучит завершающая часть фильма «Мясная девушка»: оба братикула гибнут от руки Аурелло. В произведении Шернандеса «Жемчужина рифа» рыбаки кажутся убийца его ребенка, снушаки жемчуга. Гибнет и сельский десло-каси в фильме Грета Эгондидов.

Как и в советской кинокартине «Сельская учительница», в «Ию Эскоджидас» рассказана судьба молодой девушки, полной горячей любовью к своему народу угнетенной и отдаленную, заброшенную деревню чтобы учить грамоте крестьянских детей. Но чья различен жизненный путь героини этих двух кинопроизведений! Советская учительница становится уважаемым всеми директором школы, получает высокое правительственное награду. Она по праву гордится своими учениками, ставшими строителями своего государства. Такая судьба учительницы в социалистической стране, в государстве трудящихся. В фильме Фернандеса молодая учительница ведет упорную борьбу с местным диктатором-касиоком, застарелым, завзятый, в том, чтобы крестьяне оставались неграмотными, невежественными людьми — так легче их эксплуатировать. Борьба кончается трагически — умирает от касика, учительница убивает его. Ее осуждают на смерть, но она идет на казнь с гордо поднятой головой, оставая потрясенных крестьян убежденными в правоте их дела.

Прозвишения Фернандеса за-
селили ему мировую славу.
Фильмы Фернандеса неоднократ-
но получали премии на междуна-
родных кинофестивалях.

Шернандес глубоко национален в своем творчестве. Его музыка — это не декларативно-инстинктивная груда с мещанскими баснями, а сдержанное, но яркое высказывание о традициях и культуре страны, как бы вступая в диалог с

жиссеры. Алехинда Фернандеза —
прямое лицо крестьянской страны
с прекрасной природой, бесконеч-
ными расстилающимися полями, с
древней архитектурой, с неповтори-
мыми национальными обычаями, тра-
дициями.

Вместе с Фернандесом постоянно работает талантливый кинооператор Габриэль Фигероа, так же как и Фернандес, глубоко любящий родную страну. пейзажи Фигероа и Фернандеса, чрезвычайно живописные, трагичные, как и судьба героя фильма, хорошо передают и подчеркивают настроение действующих лиц.

В трагедийном плане раскрывает Фернандес чувства сарма героя в ряде картин — «Бургондилья», «Пожитые», «Преступно-любимая», «Влюбленная» — чувства и страсти здесь выдвинуты на первый план, социальный фон почти исчезает. Между тем к лучшим произведениям Фернандеса принадлежат именно те его картины, в которых социально-общественные мотивы явно выделены: «Морис Кандалария», «Рико Эскоидидо», «Желчущие», «Лесной цветок», «Молодая», «Меланхолическая девушка».

Самобытная творческая манера Ферриндеса. Действие в его кино-нарративах развивается в медленном ритме, как исторический, пламенный рассказ о тяжелой судьбе людей, и тем сильнее воздвигаете этих кинопроизведений. Чувствуется, что Ферриндес в противоположность другим мексиканским кинорежиссерам совершенно свободен от какого бы то ни было влияния американской кинематографии, чьи произведения заполняют экраны Мексики.

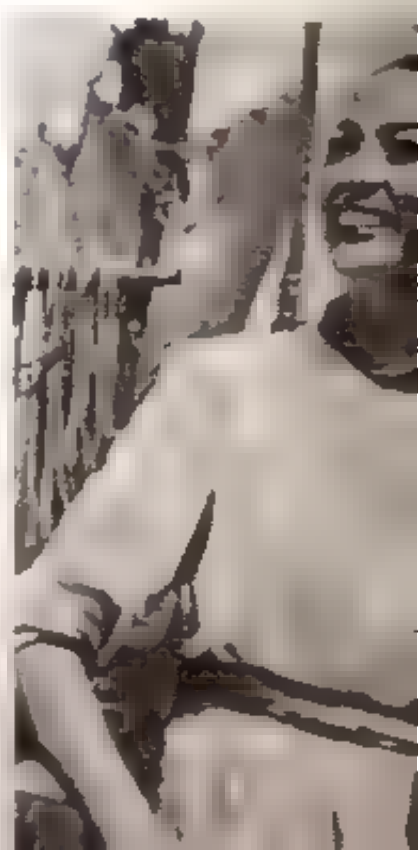
Социальную значимость произведений Шерендаса не сводится к их перацценровке. Он также показывает, что сила угнетенных трудящихся в единстве, а в совместной борьбе против эксплуататоров — это историческое право. У Шерендаса борьбу за социальную справедливость — это не только борьба за социальную справедливость, но и борьба за социальную справедливость.

ВЫШИЕ классы Фернандес резко поднимаются до обобщений: находят все это в бесчеловечном эгоизме отдельных инжениеров, людей помощи, капиталистов или кулаков.

Фернандес и Фигероа — члены
мексиканского Комитета защиты
мира, активные участники борьбы
против поджигателей новой
мировой войны. В этом их объединя-
ет и Политическая жизнь. За-
того, что они еще научатся
обрабатывать не только трагиче-
ска, а единичный, но и акти-
вную, сплоченную борьбу про-
тив за мир, за свои права и
лучшее будущее.

A. COBOL

Надр из постыженного Жана
Фердинандом фильма «Мам» в...

ГОИКА

Второй выдал, как ушли со старта Озков Борин, Поников, Протасов, Николаев. Где-то посреди, дожидаясь своей очереди, стоял Василий Савин — а на фоне — «просто чудо» — в небе — самолеты.

Но тут из его мыслей, расчеты были
как-то выключены. Судейского фланка. Петр
сразу же в борьбу

Когда река скована льдом

Любители подледного лова

Фотоочерк Вл. Минерова

Линки подвешены, установлены миниатюрные удочки — как бы выжидают. Десни с крошками, наживленные хитрым мотылем, или с бусинкой — на подледника или на щуку — уходят в глубь прозрачной воды.

Заснеженное утро. В предрассветной тишине на льду Бутковского канала, словно грибы, одна за другой вырастают палатки. «Полотняная деревня» спортсменов — любителей зимнего умения — танцует над каналом. Палатка защищает рыболова от стужи и ветра, но много выжидает рыбака на открытой площадке.

Мы идем по льду канала в Химкинском районном вокзалу. Из палатки на берегу слышны громкие разговоры, слышны звуки рыболовного счастья.

Рыболов — удивительный человек. Стоишь однажды испытать, и ты понимаешь, почему так много людей уходит в рыболовство. В руках рыбака — и в душе блеснет красное

перый окунь или скользкий налима, — погиб человек! В выходной день его неудержимо потянет на лед...

А это что? На льду, уткнувшись носом в лунку, лежит человек. Оказывается, и это рыболов. Спустил предварительно на дно реки кормушку с мотылями, он наблюдает в прозрачной воде ход рыбы и забрасывает удочку только «наверняка».

Мороз крепчает. Вдоль палаток скользят саночки, это буфет на поезде Химкинского районного вокзала — продавец предлагает бутерброды, горячий чай и кофе в термосах, а друзьям — стазановцам машиностроительного завода мастеру В. Д. Берданову и слесарю Н. А. Селыгину — еще вдобавок и заслуженные едо граммов. Есть за что: улов у них сегодня отличный!

В синие сумерки пустеют ледяные просторы канала. Улова подсчитан: кто добыл три, кто пять килограммов рыбы. Есть и неудачники — их улов лишь пара ершей.

Но ничего — в следующее воскресенье снова поедет...

Палатки скатаны, рыба вместе с миниатюрными удочками спрятана в чемодан. «Подледники» направляются к остановке автобуса. На шоссе загораются гирлянды фонарей.

А на льду в сумерках еще не спит одинокая озабоченная фигура. Упрямец, склонившись над лункой, не теряет надежды.

— А вот, еще клонит напоследок!

Москва, 1 января 1700 года

Утопавшая в сугробах старая Москва, с ее деревянными домами, усадьбами, глухими заборами, церквами и церквушками, выглядела необычно. На Красной площади и на «огненных потехах» и стреляли из небольших пушек и мушкетеров. Стрельба шла и по городу. Из дворов в темное зимнее небо взлетали разноцветные ракеты, а «по улицам большим, где просторнее было», горали огни — костры и поджиги на столбиках смоляные бочки. При таком освещении обычно темных улиц было видно, что ворота и дома украшены коврами «от дров и ветвей сосновых, еловых и можжевельных».

Взбурдованным москвичам поздравляли друг друга с наступлением Нового, 1700 года. Нам для них, там и для всей Руси он был действительно совершенно новым. До этого, по стародавнему обычаю, новолетие справляли 1 сентября, летосчисление вели от «сотворения мира». Петр I перешел на летоисчисление, принятое и в наше время. Он установил начало гражданского Нового года с 1 января. Порядок его празднования предусматривался

специальным указом, вплоть до таких подробностей, как украшение ворот и домов коврами по образцам, «каким сделаны на Гостиный дворе и у юнкерской аптеки», и наставлений, из чего «по ночам» огонь зажигать. Важные поздравления «за зван» веселых танцев были предусмотрены.

Стрельба «из небольших пушечек, буде у кого есть, и из нескольких мушкетеров или много великого ружья», пуск «фейерверков», украшение домов и заборы огнями были возложены на «знатные дворяне», «а людям студийским» предлагалось «каждому хотя по деревцу, или ветвь на воротах, или над драматургическою поставит» и огнемилость, «собрался лопь или шесть дворов». Целую неделю дома стояли украшенными, а, как свидетельствует, на улицах пылали огни.

Так были организованы салют, иллюминация и все празднование первого гражданского Нового года. Нам большое удовольствие оно доставило, конечно, молодежи и простому народу, как нежданное, шумное и веселое преддверье.

Б. АЛЕНСКИЙ

ЗАЩИТА МЕБЕЛИ

Группа читателей журнала «Юность» просит сообщить, что собой представляют препараты мебели и как их применять. Лесовод-инженер Б. В. Мельничук, разрабатывающий новый способ борьбы с жуком точильщиком, сообщает нашему корреспонденту следующее.

Ночью в некоторых квартирах иногда раздаются звуки, напоминающие тихие часы. Их издаст грозный разбухший древесный — маленький темнотелый жук точильщик. Вылетев из мебели, деревянных стен или пола, он стучит своими крепкими грудными щитком в дерево, словно возмущаясь в появлении на свет.

Молодой жук не грызет дерева. Он лишь откладывает яйца, прикрепляя их к шероховатой поверхности древесины, например, в ножки шкафа, стола, щели пола, подоконника, и после этого исчезает.

Личинка, взлезав свои крепкие челюсти в дерево, питается им. Прожорливая личинка выгрызает отверстие и сползает в него целиком. В темноте она продолжает

в древесине скрывать туннель, извилистый и длинный.

Спустя несколько месяцев, когда приближается последняя стадия развития — превращение личинки в спору в мушку, а затем в жука, — насекомое, руководимое инстинктом, движется к наружной поверхности дерева и за один лишь миллиметр от него останавливается. Это расстояние рассчитано с поразительной точностью: жук способен перегрызть только тонкую пленку — не больше миллиметра, — чтобы выйти наружу и приступить к откладке яиц.

Отсюда вывод: не допускать личинки к поверхности древесины, и тогда насекомое, запертое внутри, погибнет и размножение их прекратится.

Личинка ест только чистую древесину. Даже наткнувшись на сучок, из которого не выветрився запах смолы, она отбегает его. Достаточно лишь наружный слой сделать медвежьим, и насекомое не сможет приблизиться к поверхности.

Лучшим средством оказалась минеральная масса, состоящая из смеси масел, соевое или вазелиновое, которым обмазывают древесину из расчета 100—150 граммов на квадратный метр. Масло пропитывает слой дерева на глубину 3—4 миллиметра. Поверхность дерева, покрытая краской и лаком, не нуждается в пропитке, если только она на поверхности.

Есть и другое проверенное средство. Древесину смазывают однопроцентным раствором хлористого натрия или двухпроцентным раствором фтористого натрия. Любое из этих веществ образует отравленный слой, уничтожающий яйца и жуков.

АМЕРИКАНСКИЙ СЛУЧАЙ

Однажды вечером в Бруклин был случай в юннинском магазине. Какой-то женщина пошла на крик: «Выручку на стой!» «Иде лишний — труп!» «На шеальтис!» «От пули Джек!» «Не укрывайся!» Принимая в укус всех поверг, и каждый ворвал руин

Но в этот миг на без записки «Ах, что вы!» — женщина сказала: «Я только кинувшая новенький Последний выпуск»

Барис ТИМОФЕЕВ

Обо всем

«ДАЛЬНОБОЙНАЯ» ФОТОГРАФИЯ

Учеными найден способ делать фотографии, пользуясь не обычным светом, а инфракрасным (невидимым) лучами. Для таких снимков пользуются пластинками, обработанными специальным составом.

Фотограф, вооруженный аппаратом, приспособленным для съемки в инфракрасных лучах, может производить съемку в тумане, в пыли, в дыму, когда ничего не видно в двух шагах. На снимке получится вполне отчетливое изображение, так как туманная дымка прозрачна для невидимых лучей.

Эта особенность инфракрасных лучей дала возможность фотографировать очень отдаленные предметы, например, высокую башню в 30—40 километрах или горы, находящиеся в 100 километрах от аппарата.

«МОЛНИИ» В СНЕГУ

Известны случаи, когда снежные метели сопровождались вспышками фиолетового голубого сияния. Они, словно молнии, озарили снежные вихри. Такие же вспышки «молний» голубоватого или желтоватого цвета наблюдались ночью при падении снежных лавин в горы.

Такое свечение возникает в результате трения сухих кристалликов снега в воздухе или друг на друга, поверхность, что создает электрические явления.

ОБОИЯНИЕ СЕТТЕРА

Собаки обладают отличным обонянием. Они способны распознавать один миллион запахов из смеси в 10—15 запахов.

С одним сеттером продали такой охот. Двенадцать человек из главы с хозяином сеттера прошли сложное расстояние от условленного места гусиной, так что каждый ставил ноги в отпечатки на снегу.

Затем владелец собаки с пятью другими следом за ним пошел направо. Оставшие свернули налево. Отойдя на некоторое расстояние, обе группы спрятались.

Сеттера пустили по следу, и на котором он безошибочно пришел к месту, где прятался его хозяин.

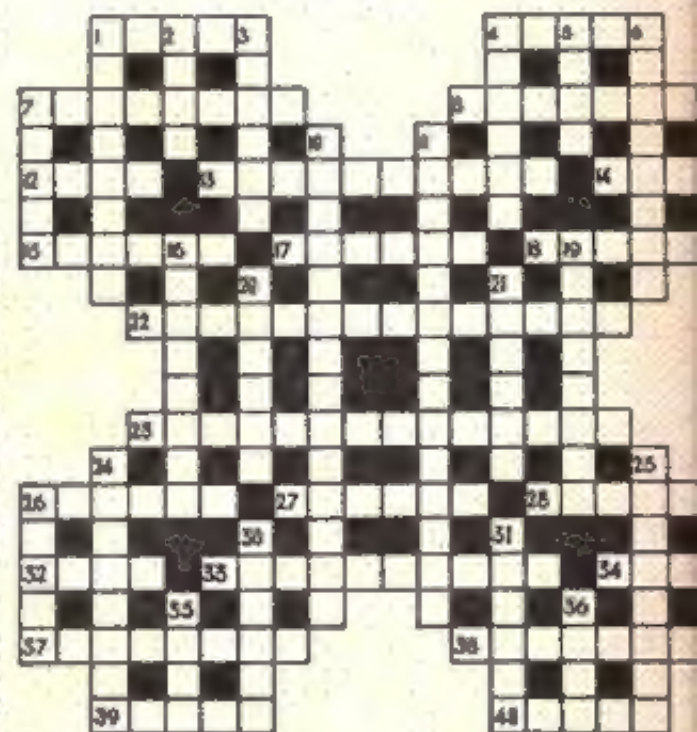
«ИГРЫ С УБИЙСТВОМ»

Если у человека образуется досуг, то это, как полагают заправчики США, не приводит ни к чему хорошему. Мало ли в чем может он задуматься! Например, о войне в Корее, принесшей «васнослезные барыши» тем, кто ее затеял, и покорным извещением о тех, кто принимает в ней непосредственное участие; о все более растущей безработице; о дороговизне и о прочих столь же безразличных вещах. Ни секунды без дела! Забывайте голову чем хотите — порнографическими романами, идущими фильмами, зрелищем полуодетых герлс. И вот одна американская фирма рекламирует в журнале «Популярная наука» новое средство для заполнения

своего свободного времени «американский ноль».

Для «самозащиты, для игр с убийством» (сущность выразилась, и танки, искусство точного попадания в цель) и предлагается «мощное, бесшумное, точное оружие». С истинно американской деловитостью перечисляются качества «игрушки». К ней прилагаются четкие инструкции, облегчающие, точное и умелое пользование. И стоит все, вместе с тем, всего два доллара. Кто же — и вы будете иметь и занятие и удобное оружие. Всякий случай, а главное, вас не останется времени для опасных размышлений о том, куда ведут Америку ее пристрастия.

КРОССВОРД

По горизонтали:

- Надежный забор, тире, дыня.
- Быстрый ал.
- Устройство в телефонном аппарате, реализующее на 44 деления импульсы электрического тока.
- Выдающийся ученый в области аналитики.
- Публичное выступление.
- Земельное пространство, ограниченное определенными пределами.
- Полуватный микротермод.
- Совокупность метеорологических условий.
- Порода голубя.
- Массовый остров Врангеля.
- Описание, определение, характеристика.
- Создатель учения, теории.
- Выдающийся русский ученый-геолог.
- Письменные заметки.
- Степной ученый-геолог.
- Полуостров на Севере.
- Возраст, значение.
- Догада, истинное имя помани.
- Скульптура Автопольского.
- Род почем.

По вертикали:

- Учащийся, имеющий высшую оценку знаний.
- Ирени.
- Создатель.
- Крупный песок.
- Персонаж из «Гурочина».
- Работник, сопровождающий гурт скота.
- Кри.
- Балет.
- Разработка проекта сооружения.
- Вид командировки.
- Собрание материалов произведений литературы, музыкальных.
- Гигиеническое кожное дерево.
- Сунга.
- Вооруженная ограда.
- Одно из пяти тел.
- Определенная ступень в развитии общества.
- Сел.
- Дорожка в парке.
- Сорт бумажной материи.
- Русский механик-самолетчик, построивший первый в мире гусеничный танк.
- Порода животных.
- Вертикальная горная работа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

- Год.
- Паника.
- Исход.
- Полоса.
- Возраст.
- Сенатор.
- Пуши.
- Война.
- Турок.
- Фантазия.
- Корич.
- Судья.
- Душа.
- Ватно.
- Сунга.
- Барух.
- Стихи.
- Правда.
- Мирок.

По вертикали:

- Лития.
- Горняк.
- Дипломат.
- Пизма.
- Голос.
- Врач.
- Афера.
- Кри.
- Ограда.
- Гамма.
- Порода.
- Калуга.
- Мантур.
- Сир.
- Язык.
- Папа.

Поливающие новости.

А на другой день уезжал незнакомец.

— Ну, будет. Давушка! Стоит об собаке.

— Но если вы проболатаетесь, то меня убьют.

— Убежал. Жалко!

Бандиты ищут солдата.

Главпарфюмер
выпускает отличный

ЗУБНОЙ ПОРОШОК

„МЯТНЫЙ“

ПРОДАЕТСЯ В ФИРМЕННЫХ МАГАЗИНАХ ГЛАВПАРФЮМЕРА,